

ОСЕННИЕ ИТОГИ.

Лето и осень самодержавие посвятило судебным расправам со своими политическими врагами. Шесть процессов против виновников террористических покушений (Балмашев, Леккерт, Чепегин, Качур, Ергин и Лузин), три процесса против участников рабочих беспорядков (Батум, Сулин Донской обл. и дело о волнениях на Залогинской фабрике в Твери), бесконечное количество процессов против южных крестьян и, наконец, — три судебных дела о политических демонстрациях. Давно уже самодержавное «правосудие» не работало с такой интенсивностью.

И давно уже это «правосудие» не оказывало такой услуги революционному делу развенчания всех «святых» современного политического строя. Буржуазные идеологи по-своему правы, видя в уважении к судебным учреждениям страны залог устойчивости общественного порядка. Масса населения готова многое простить своим правителям, если верит в «беспристрастие» и законный образ действий суда — хранителя закона. И, истине, безнадежно положение той политической системы, которая для своего поддержания вынуждена неустанно развенчивать свое собственное «правосудие», применяя его для своих полицейских целей.

Новое «политическое» выступление российской юстиции ознаменовалось рядом скандалов для самодержавия. Присуждение к смерти несовершеннолетнего Балмашева, окруженного ореолом всеобщего сочувствия; присуждение к смерти Леккерта, который нанес легкую рану фон-Валю; присуждение к смерти Качура, который вовсе промахнулся; 20 лет каторги для Чепегина, несчастного юноши, который, изголодавшись, вздумал «убить» кого-нибудь из представителей буржуазии и напал на отставного генерала с тупым перочинным ножиком, не повредившим и генеральской шинели... Эти скандальные приговоры счастливо дополнялись скандальным поведением суда в харьковских крестьянских процессах, где с цинической откровенностью запрещалось защитникам расспрашивать свидетелей о подвигах кн. Оболенского при «усмирении» обвиняемых крестьян. Знаменитые протесты адвокатов впервые заклеили публично этот цинизм поседших в попури закона российских чиновников от правосудия. Этот смелый шаг, который давно пора было сделать представителям адвокатуры, не должен остаться бесследным для дела освобождения России от царящей над нами азиатчины. Дело чести всех, выступающих защитниками в процессах, где фактическим преступником является правительство, будет следовать примеру харьковских защитников и на каждое насилие над правом отвечать презрительным протестом. Это, по нынешним временам, единственно возможный для адвокатуры способ

служить делу действительного правосудия, делу освобождения суда от властной опеки самодержавной бюрократии.

Если крестьянские процессы разоблачили лишний раз характер судебного следствия в процессах, устраиваемых против «внутренних врагов» самодержавия, то процессы против саратовских и нижегородских демонстрантов показали всю жестокость русских карательных законов. Хотя суд и применил одну из низших мер наказания, тем не менее более десятка мирных демонстрантов оказались присужденными к лишению всех прав и ссылке на поселение в отдаленные места Сибири. Только современный российский режим, бесстыдно пародирующий своей свободой от европейских «предрасудков», может еще выносить такие приговоры. Деяние, которое, по европейским понятиям, является неотчуждаемым правом гражданина — коллективное выражение своего политического мнения, по русским условиям немыслимо иначе, как сборищем на улице, — это деяние карается лишением гражданских прав и бессрочной ссылкой, на-ряду с весьма тяжкими уголовными преступлениями. Двадцать почти лет правительство остерегалось применять эти варварские законы о политических «преступлениях», законы, позволяющие применять каторгу и виселицу за деяния, которые по ту сторону Вержболова во всем цивилизованном мире признаются законным делом или, в худшем случае, причисляются к мелким полицейским проступкам. Почти двадцать лет правительство, посредством широкого применения административной ссылки и административного тюремного заключения, уклонялось от необходимости каждым «законным» приговором внушать обывателю идею: если то, что во всем цивилизованном мире совершается беспрепятственно, у нас карается самыми тяжкими уголовными карами, — стало-быть, наш политический режим никуда не гден. И такова ирония судьбы: в тот именно момент, когда широкие массы обывателей впервые проснулись к политической жизни, когда всякое злодеяние государственной власти весьма чувствительно воспринимается недавно еще равнодушной частью населения, — именно в такую минуту самодержавие спешит живым примером напомнить обывателю об азиатском характере своих карательных законов.

Вряд ли, веря серьезно в устрашительную силу приговоров на поселение и на каторгу, самодержавие, чтобы только порисоваться политикой «сильной власти», доставляет своим врагам случай к новой демонстрации — к демонстрации со скамьи подсудимых. И новые его революционные враги — социал-демократы — не преминули уже воспользоваться этим новым поводом.

Показавши себя в тоге «судьи», самодержавие спешит начать зимний сезон в испытанной роли палача. 11 ноября в Ростове н/Д., а 17-го на станции Тихорецкой

оно снова выступило в наиболее современном из доступных ему положений — в качестве наемного убийцы на службе у капитала.

После Ярославля — Думброво, после Риги — Мариуполь, после бои на Выборгской стороне в Спб. — сильнейшая — на Шлиссельбургском тракте, и через несколько месяцев после батумских расстрелов — на протяжении одной недели два новых преступления во славу божка-капитала.

Громадная по размерам, замечательная по выдержке рабочих, исключительно-удачная в смысле организованности участников, руководимых нашим Донским Комитетом, и беспримерная по решительности господствовавшего в ней политического настроения, — стачка ростовских рабочих как нельзя лучше открывает боевую кампанию социал-демократии в текущем году и — следует надеяться — явится лишним ярким доказательством того, что единственно серьезным революционным делом в наше время является дело организации так быстро развивающегося, так блестяще доказывающего свою революционную зрелость русского пролетариата.

Почти десять лет назад, зимой 1893 — 94 г., жел.-дор. рабочие мастерских Ростовско-Владикавказ. жел. дор. умело проведенной стачкой обратили на себя внимание революционеров, которые в то время в своей массе еще не выяснили себе всего значения начинавшегося рабочего движения. Ростовская стачка 1893—94 гг. была первым, сколько нам известно, крупным проявлением массового рабочего движения 90-х годов, руководимого социалистами (в числе многочисленных жертв ее был, между прочим, известный Мисеенко¹, бывший организатор знаменитой Морозовской стачки, сосланный по ростовскому делу в третий раз на три года). После этой стачки правильная революционная работа в Ростове и Д. временно оборвалась, и лишь с 1898 г. под руководством Донского Комитета она ведется систематически и все с большим успехом. В ноябрьских событиях с их громадными рабочими «митингами» и впечатлением, произведенным ими на общество, — местные товарищи могут видеть достойный результат своих усилий.

На эту-то дисциплинированную, сознательную и стойкую массу правительство выпустило своих янычаров. Само правительственное сообщение, в сущности, признает, что бойня вызвана казаками, что стремление властей разогнать спокойную сходку рабочих явилось причиной столкновения, в результате которого несколько человек убито. То же сообщение признает, что и столкновение на Тихорецкой спровоцировано казаками. Новые расстрелы стачечников-рабочих являются новой красноречивой иллюстрацией к так наз. «зубатовской» политике. Вчерашние поощрители «экономической борьбы» в Москве выступают сегодня в роли вульгарных охранителей капиталистических барышей, когда эта «экономическая» борьба организована самими рабочими, без участия шпионов-«легализаторов». Только вчера г. Витте² свидетельствовал о чудовищной несправедливости вмешательства правительственных властей в столкновения труда с капиталом. И уже сегодня правительство разоблачает лживость всех этих разговоров и тщету всякой попытки наших самодержцев внушить рабочему классу доверие к монархии. Работайте же дальше в этом направлении, господа! Пролитая в честном бою пролетарская кровь

не пропадет даром, и в предстоящем решительном столкновении монархии с народом первая встретит в рядах своих врагов такую силу, перед которыми окажутся одинаково бессильными и «твердая рука» г. Плеве³ и лживый язык г. Витте.

На яркой сцене классовой пролетарской борьбы с особенной рельефностью выступает поразительная серость того политического движения «солидных» кругов общества, центром которого являются уездные и губернские «комитеты Особого Сопещения». Выразившаяся в этих комитетах земская оппозиция пришла в настоящее время к тому пункту, за которым дальнейшая игра в «лояльность» становится невозможной. На первые разговоры о Земском Сопоре Плеве ответил арестом и привлечением к жандармскому дознанию представителей земства. И верное эхо умеренной земской оппозиции — «Освобождение» — не замедлило тотчас же отразить то политическое возмущение, которое охватило «верноподданных» либералов при слухе об этом насилии.

Правда, г. Струве⁴ и на этот раз старается во что бы то ни стало остаться позади своих сотрудников-либералов. В то время как последние все определеннее ставят вопрос о несовместимости «законности» с существованием самодержавия, г. Струве (№ 11 «Освоб.») в редакционной заметке снова двусмысленно повторяет, что требование созыва Земского Сопора «не противоречит само по себе существующему государственному строю»^{*}.

Тем не менее, и г. Струве почувствовал в факте жандармского набега на воронежских либералов повод для более решительного нападения на самодержавие. «Если, — пишет он, — правительство отвергнет требования о созыве Земского Сопора, то клич: „долгой самодержавие“ неизбежно и окончательно станет всеобщим лозунгом национального освобождения». Необычайного, конечно, нет ничего в аресте г. Мартынова и в обвинении его за умысел изменить существующую форму правления. Абсолютная идея «права», с точки зрения которой г. Струве не прочь «разносить» «относительность» наших социалистических идей, разумеется, оскорблена нынешним произвольным арестом г. Мартынова несколько не в большей мере, чем она была поругана в лице хотя бы того же г. Мартынова, когда он (в 80-х годах) по социалистическому делу был арестован и сослан без суда в Сибирь. Вероломство, проявленное ныне правительством по отношению к членам уездных комитетов, которые приглашались высказаться о местных нуждах и за открытое выражение своих нужд подвергаются арестам, — это вероломство (с точки зрения идеи «права») ничем не гнуснее того, которое проявлялось самодержавием бесчисленное множество раз по отношению к делегатам, выбиравшимся рабочими-стачечниками по приглашению властей и потом подвергавшимся аресту по приказу тех же властей, или по отношению к выбранным по пригла-

* Передовая статья того же №, подписанная Senex, напротив, резко высказывается о «славянской монархической идиллии» совмещения самодержавия с земскими соборами. Отчего бы г. Струве не высказать раз навсегда свое отношение к взглядам, развиваемым более радикальными из его сотрудников?

Кстати, г. Струве остался в долгу перед читателем: в примечании к статье земского гласного в № 7 «Освобождения» он обещал выяснить, в чем расходится с этим автором в вопросе об отношении к революционной борьбе. Этого обещания г. Струве все еще не выполнил.

шению начальства студенческим «старостам», когда последние, «в первую голову», отправлялись в Сибирь. «Поруганное и возмущенное чувство справедливости», о котором говорит г. Струве, как о стимуле к началу «политических действий», уже так давно привыкло к подобным заушениям и оплеваниям, что вряд ли само по себе может побудить «умеренную» оппозицию к чему-нибудь, напоминающему «политические действия». Есть нечто другое в воронежских событиях, что может и должно расшевелить земскую оппозицию, — это явное свидетельство растерянности самодержавного правительства, полной его неспособности рассчитать заранее результаты своих действий, решительного и окончательного банкротства обычных методов его политики.

Созыв местных комитетов имел совершенно определенную и ясную цель — отвлечь внимание более «солидных» кругов общества от все сильней разгорающейся борьбы более радикальных слоев его с самодержавием. На первые робкие шаги земцев, намекавшие на возможность их присоединения к общему лозунгу: «долгой самодержавие», правительство отвечало приглашением «сесть рядком и потолковать ладком» о «местных пользах и нуждах». Спекулируя на «умеренность» и «трезвенность» земских деятелей, правительство рассчитывало потопить их растущее возбуждение в глупых комиссионных докладах и игрой в парламент занять их в то время, пока на улицах и в застенках будет г. Плеве совершаться расправа с гидрой революции. План был сам по себе не дурен, и инциденты с гг. Шиповым⁵ и Евреиновым показали, что самодержавие хорошо изучило русского либерала. Но самодержавие не могло рассчитать одного фактора — той скорости, с которой прогрессирует его собственное разложение. План г. Плеве сам по себе был остроумен, но он для своего успеха предполагал сильную дозу самообладания со стороны его авторов. Надо было — до поры, до времени — открыть шлюзы для либеральных словопрений. Увы! в виду колоссального развития революционного движения, это самообладание не могло иметь места. Приближающаяся гигантскими шагами русская революция не дает самодержавию «ни отдыха ни сроку» для приведения в действие его иезуитских планов. И, забыв о всякой «государственной мудрости», оно бросается, очертя голову, в политику приключений, одним грубым ударом сводя на-нет плоды своей предшествующей работы. Казалось бы, весь ход работ в местных комитетах должен был подготовить правительство к тому моменту, когда будет сказано это ужасное слово «Земский Собор». Казалось бы, правительству смотреть бы и радоваться тому, что это слово произносится либералами с обычными оговорками о своей лояльности, с проклятием и осуждением по адресу так наз. «кучки анархистов». Но самодержавие уже неспособно холодно рассчитывать. Оно способно только судорожно реагировать. И обрушиваясь всей силой полицейской репрессии на мирных либералов, открывших рот, чтобы сказать первую букву своей политической азбуки, оно тем самым вынуждает их — во что бы то ни стало — пойти дальше.

В этой растерянности правительства либералы должны найти силу отрешиться от собственной своей «наследственной растерянности». В борьбе между старой и новой Россией нет места никаким сантиментальным сооб-

ражениям. Если враг начал явно шататься, — самое время участить удары и увеличить их силу. Не дожидаться, пока он найдет себе новую точку опоры, а нападать и нападать, чтобы каждым метким ударом увеличить смятение его духа!

Требования Земского Собора должны, как справедливо указывает г. Струве, подхватить все уездные и губернские комитеты. Но этого мало. Агестом стоявших на легальной почве либералов правительство показало, какое прозрачное значение имеет при русских условиях сама легальность. Пусть же и либералы спешат разбить рамки легальности! Пусть не отгораживаются попрежнему китайской стеной от того «внезаконного» народного движения, которое только и сделало возможным их собственное выступление и которое выбило уже самодержавие из его главных позиций. И если земские комитеты превратились уже в обвинительные камеры по делам о многочисленных преступлениях самодержавия, то пусть в раздающихся там обвинительных речах мы услышим, наконец, о тех злодеяниях, которые самодержавием совершаются над рабочим классом, над крестьянской массой, над революционным студенчеством! Нельзя долее молчать об этих злодеяниях, когда каждый день приносит новые известия о «каторжных» приговорах, о массовых порках, о расстрелах безоружной толпы на улицах. Только заговоривши открыто об этих событиях, либеральные земцы покажут, что они поднялись на высоту тех исторических задач, которые стоят перед всеми серьезно работающими над освобождением нашей родины от позора самодержавия.

[Л. Мартов]

ЗУБАТОВЩИНА В ПЕТЕРБУРГЕ.

Хожение правительства «в народ» продолжается. Самодержавие, в лице некоторых своих агентов, как известно, разочаровалось в административном терроре, как единственном средстве противореволюционной борьбы, и решилось — не вместо террора, а вместе с террором — вести систематическую работу развращения рабочих масс.

В петербургской газете «Свет», находящейся в интимном общении с полицейской преисподней, напечатано следующее сообщение:

«За последнее время, по инициативе столичных заводских рабочих: В. И. Пикунова, С. А. Горшкова, И. С. Соколова, С. Е. Устюжанова, Д. В. Старсжилова, Г. Н. Солодовникова, А. И. Егорова, Е. Ф. Пахмова, С. С. Семенова, А. И. Кузьмина и Н. А. Одинцова, в местном фабрично-заводском населении получила распространение мысль о возможности очень серьезного улучшения в жизненных условиях рабочей среды путем развития в ней сословной самодеятельности и взаимной помощи».

«С ведома столичной администрации, 10 ноября, в трактире „Выборг“, на Финляндском проспекте, инициаторы дела имели по этому предмету частное собеседование с несколькими товарищами, а 13 ноября ими было подано прошение г. исправляющему должность с.-петербургского градоначальника камергеру В. Э. Фришу о разрешении товарищеского собрания. Со стороны послед-

него рабочие встретили внимательное и сочувственное отношение к своей просьбе и получили обещание, что он окажет зависящее от него содействие для удовлетворительного разрешения предпринятого ходатайства. Ободренные приемом г. исправляющего должность градоначальника и успешным началом своего дела, рабочие отправились в департамент полиции министерства внутренних дел, чтобы выяснить отношение министерства к задуманному ими делу. Директор департамента, статский советник А. А. Лопухин, выразил им свое сочувствие и готовность помочь осуществлению их намерений.

«Вследствие этого в воскресенье, 17 ноября, в том же трактире „Выборг“ состоялось первое в Петербурге официально-разрешенное собрание рабочих, а 21 числа, в 10 часов 30 минут утра, рабочие имели честь быть приняты г. министром внутренних дел, который выслушал благодарность рабочих за данное им разрешение собираться на товарищеские собеседования по вопросам их жизненного обихода, и высказал свое намерение поощрять их деятельность в усвоенном им направлении».

Со своей стороны, «Свет» обещает своим читателям, что «ход предпринятого рабочими начинания, а также и всестороннее обсуждение рабочего вопроса, в чисто русском духе, найдут на страницах газеты самое широкое место».

Давно уж известно, что «чисто русский дух», патент на который выдается из департамента полиции, включает в себе три составные части: полицейское самодержавие, полицейское православие и полицейскую народность. В приведенном сообщении ничего не говорится о роли петербургского духовенства («православия») в этом трогательном примирении полицейского насилия («самодержавие») с «сословной самостоятельностью и взаимной помощью» петербургского пролетариата («народность»). Надо думать, что при современном настроении рабочих масс поп, даже в глазах «высших сфер», является слишком устарелой и скомпрометированной фигурой, чтобы направлять его с пальмовой ветвью «социального мира» в рабочие кварталы. Агенты г. Зубатова тут гораздо более уместны. Они будут говорить рабочим не о смирении и покорности, а о «сословной самостоятельности и взаимной помощи». К зубатовским агентам примкнет несколько предателей и несколько глупцов (смотри выше их перечень), и разрешение рабочего вопроса «в чисто русском духе» будет на-мази. И в Спб., как раньше в Москве, начнутся «легальные» рабочие собрания, на которых зубатовцы будут, с одной стороны, примирять непримиримое (самодержавие и пролетариат), а с другой — выслеживать тех рабочих, которые станут высказываться не в «чисто русском духе». Прения, начавшиеся на легальной сходке, будут заканчиваться для рабочих-революционеров в Охранном Отделении. Таким образом, все эти перечисленные выше Пикуновы, Горшковы, Соколовы и пр. будут, по примеру своих московских единомышленников, играть роль агентов-подстрекателей в руках Зубатова. И те из них, которые не продали ему своей души, а попали к нему лишь по недомыслию, должны понять, что быть бескорыстным провокатором ничуть не менее позорно, чем наемным, — только гораздо глупее.

Наши петербургские товарищи будут, разумеется, внимательно следить за развитием этого нечистого пред-

приятия, которое встретило «внимательное отношение» и «готовность помочь» со стороны таких «испытанных друзей» рабочего класса, как петербургский градоначальник и директор департамента полиции. Правильно и широко осведомлять рабочих о причине, цели и ходе этих полицейских заигрываний значит уничтожить в самом начале возможность хотя бы временного их успеха: подобные авантюры рассчитаны исключительно на наши политические сумерки, в которых врагу подчас легко сойти за друга.

Мы не знаем еще, нашел ли Зубатов и в Петербурге профессоров, которые вступили бы с ним в сотрудничество в целях мирного профессорски-полицейского разрешения социального вопроса. Думаем, что нет, — не потому, чтобы морально политический ценз профессорской корпорации в Петербурге был выше, чем в Москве, а потому, что партия революционного пролетариата уже заклемила в глазах общественного мнения эту форму «сотрудничества», как позорное политическое предательство.

Если, тем не менее, петербургское охранное отделение от полиции найдет отклик в петербургском охранном отделении от науки, — мы надеемся, что революционное студенчество сумеет — в краткой, но выразительной форме — преподать своим профессорам элементарный курс гражданской нравственности.

[Н. Троцкий]

КАК СОЦ.-ДЕМ. «ПОВОРАЧИВАЮТ» К НАРОДНИЧЕСТВУ.

Недавно на юге образовалась новая русская организация, назвавшая себя «Южным Революц. Союзом Соц.-Демократов». В первом же воззвании этой организации говорилось, что она «безусловно разделяет направление „Искры“». Каково же было наше удивление, когда в № 13 «Рев. России» мы прочитали, что новый «союз» посрамил «Искру» своим отношением к аграрному вопросу, что данная им постановка этого вопроса «показывает, что готов рухнуть, по крайней мере, по отношению к части соц.-демократии, один из тех барьеров, которые разделяют русских революционеров на две враждебные фракции» и что ответ «союза» на этот вопрос «прокидывает множество эфемерных теоретических преград, которые досужие люди построили между двумя фракциями социально-революц. армии». («По поводу одной прокламации», «Рев. Россия» № 13). Необычайная «Ворошиловская» развязность, характеризующая цитируемую статью, сама по себе достаточно говорит о том, насколько читатель может доверять открытиям, сделанным ее автором. В таком тоне могут писать только очень невежественные и очень самодовольные люди. Бедный автор, конечно, и не догадывался, что редакция на 14 стр. того же № напечатает корреспонденцию из Одессы, в которой этот самый «союз» характеризуется упомянутыми выше словами, как «безусловно разделяющий направление „Искры“». Как же это «безусловно» солидарные с нами товарищи в прокламации к крестьянам посрамили нашу соц.-демократическую точку зрения? Слушайте: во-первых, прокламация адресована «ко всему трудящемуся люду» (курс. «Р. России»), при чем развязный автор дополняет это обращение своим собственным обяснением: «как к одному классу, связанному общими интересами трудовой жизни». О принадлежности пролетариев и собственников к одному «классу» прокламация ничего не говорит и все сюда относящееся относится к «беллетристике» «Рев. России». Во-вторых, прокламация заявляет: «Весь трудящийся люд — и крестьян и рабочих, — и всех честных людей мы зовем на кровавый бой с царем». Курсив опять принадлежит «Рев. России». Последняя, повидимому, не слыхала, что на «бой с царем», на политическую борьбу за свержение самодержавия мы, соц.-демократы, всегда

звали и рабочих, и крестьян, и «всех честных людей». Что же нового заключается в южной прокламации? И как смехотворен — в виду этой цитаты — вывод автора: «нигде в соц.-демократ. литературе общность социалистических (курсив «Р. России») интересов рабочих и крестьян не выражена так сильно и ярко, как в этой прокламации». Прокламация южной организации явно говорит об общности демократических интересов всех «честных людей», а соц.-рев. превращают эти демократические интересы в «социалистические». Лишнее доказательство того, что для них социализм является только фразой, которою замаскируется факт классового антагонизма между собственниками и пролетариями.

В-третьих. Прокламация говорит: «Мы в то же время боремся со всеми врагами трудящегося народа, со всеми грабителями народного труда... Мы требуем, чтобы земли, фабрики и заводы были отданы всему русскому народу, всем трудящимся людям». Вот он, отказ соц.-демократов от «узкой» пролетарской точки зрения. Ведь, соц.-демократы доселе, повидимому, требовали, чтобы фабрики и земли были отданы не всем труженикам, а только фабричным рабочим. Ведь, соц.-демократы, очевидно, до сих пор боролись не со всеми «врагами трудящегося народа». Мы не решаемся посоветовать бедному автору прочитать «Эрф. программу», — это чтение будет для него слишком утомительно, но, напр., из брошюры «Кто чем живет» он узнает, что соц.-демократы не нуждались в «поворотке» к народничеству, чтобы написать на своем знамени передачу в с е х средств производства в с е м трудящимся.

Мы не знаем ничего о новой южной группе, кроме того, что дается ее немногими воззваниями. В этих последних мы не усмотрели до сих пор никакой «ереси», которая шла бы вразрез с принципами нашей партии. Но публика, не осведомленная об истинном положении дел, может, пожалуй, поверить развязным людям, сочиняющим басни о небывалых скачках соц.-демократов в сторону мелкобуржуазной благонамеренности. Пора положить конец этим злоупотреблениям правом перетолковывать по произволу наши заявления. Долг нового союза ответить на оскорбительно-дружеское похлопывание по плечу, допущенное по отношению к нему «Р. Россией». Мелкобуржуазные революционеры, пытающиеся создать несуществующий антагонизм между отдельными группами соц.-дем., должны услышать в ответ: «руки прочь!».

[Л. Мартов]

БОРЬБА НАПРАВЛЕНИЙ — ПОЖИВА ДЕМАГОГАМ.

Среди петербургских товарищей снова произошел раскол, являющийся одним из последних эпизодов заканчивающейся там долголетней борьбы между революционным и оппортунистическим (бернштейнским тож) течениями в соц.-демократии.

В силу причин, на которых здесь не место останавливаться, внутренний кризис, пережитый нашей партией во второй половине 90-х годов, с особенной силой сказался в Спб. На развивающееся пролетарское самосознание сильнее, чем где бы то ни было, здесь давили сознательные и бессознательные влияния буржуазно-демократической интеллигенции, систематически внушавшей организованным пролетариям и их товарищам - интеллигентам идеи, последовательное усвоение которых неизбежно должно было бы сделать наше рабочее движение простым придатком к либерально-демократической буржуазии, руководимой гг. Струве и К^о. На пути к этому финалу многолетняя работа оппортунистов сумела затормозить революционное развитие спб. рабоч. движения и втиснуть его в такие организационные формы, в которых оно задыхалось, не видя себе выхода. В то время как местные организации других городов, работавшие при гораздо

менее благоприятных условиях, все же двигались вперед в деле революционизирования и воспитания масс, петербуржцы в период 1898 — 1902 гг. беспомощно топтались на месте — от провала до провала.

Но под влиянием обострения борьбы с самодержавием и разгоревшейся в соц.-демократ. печати идейной борьбы за принципы революционного социализма спб. социал-демократы начали освобождаться от кошмара, нависшего над ними в период безраздельного господства бернштейнианства и «экономизма».

После длинного промежутка упорной внутренней борьбы Петербургский Комитет Партии пришел к сознанию необходимости решительно покончить со всеми пережитками экономизма и стать на путь революционного соц.-демократизма.

Необходимым условием для этого перехода являлась коренная реформа местной организации, совершенно непригодной для целей руководства революционным движением пролетариата.

Необходимо было, во-первых, освободиться от громоздкой организации, нелепо совмещавшей в себе задачи политической борьбы с задачами профессионального (цехового) движения; необходимо было очистить политическую организацию от всякой игры в «демократизм», т. е. от «широкого выборного начала», которое должно было вести и вело к ослаблению конспирации. При указанном же смешении задач организации это «выборное начало» ставило — по «уставу» — ход ее работ в зависимость от воли наименее сознательных участников рабочего движения. А так как на практике соображения конспирации не позволяли исполнять «устав» во всей строгости, то на самом деле произвол и случай играли решающую роль в ходе местной работы, и организация не давала своим членам того политического воспитания, которое одно только может выработать из рабочих действительных руководителей.

Необходимо было, наконец, уничтожить нелепое разделение между «рабочим» комитетом и комитетом партии («интеллигентским»). Разделение это, сложившееся во времена господства «экономизма», вполне соответствует бернштейнским представлениям о задачах рабочего движения: рабочей группе надлежит заниматься «чисто рабочим» движением, т. е. экономической борьбой, высшая же политика должна остаться в руках «интеллигентов», которые тем смиреннее признают себя простыми «слугами» пролетариата, чем более на самом деле они являются фактическими хозяевами движения. А таковыми они неизбежно должны быть, когда в соц.-дем. движении царит «экономизм», когда рабочих тщательно оберегают от всего, воспитывающего их политическую зрелость, когда их (чтобы, сохрани боже, не испортить) не знакомят с ведущейся в социалистических органах идейной борьбой по вопросам программы и тактики, когда их, при помощи лживых фраз об их самодержавии в вопросах «местной работы» систематически держат в стороне от общих задач движения.

Спб. Комитет, приступив в реорганизации местного движения, начал с уничтожения своего разделения на «рабочую» и «нерабочую» часть. В передовых спб. рабочих он встретил полное сочувствие в этом деле. Впрочем, если не ошибаемся, от них и исходил почин в этом вопросе.

В результате реформы самого Комитета явилось то воззвание «Ко всем соц.-демократическим организациям», которое закрепило окончательный переход петербургского движения под знамя революционной соц.-демократии.

Приступая к реформе, петербургские товарищи, конечно, понимали, что она вызовет возмущение всех тех, кто еще стоит на отжившей точке зрения, осужденной событиями, — всех тех, кто еще способен тешился игрой в «демократизм»; тех, кто должен был остаться обойденным при этой организационной реформе, потребовавшей повышения, так сказать, организационного ценза; всех тех, наконец, кто по своим партийным интересам не может не видеть в каждом шаге на пути к революционному объединению партии пролетариата ущерб для своего собственного дела. Было ясно, что помощью всякого рода демагогических средств все эти недовольные постараются вызвать смуту в Спб., чтобы затормозить дело Комитета. Не менее ясно было, что в ход будет пущено старое орудие натравливания несознательных рабочих против интеллигентов.

Соединенными усилиями всех, кровно обиженным Петербургским Комитетом, удалось вызвать разделение, и часть рабочих групп Спб. отделилась от Комитета. Во главе этих отделившихся стоит новый (заново отделанный) «Комитет Раб. Организации». Из двух (очень сдержанных по форме) его заявлений (см. отд. «Из партии») следует, во-первых, что он не признает решений Комитета Партии, опубликованных в воззвании «Ко всем соц.-дем. организациям»; во-вторых, что он желает, чтобы «Освобождение рабочих было делом самих рабочих», т. е., как выяснила практика наших «экономистов», чтобы «интеллигенты» не совались в «чисто рабочие» дела.

Эти объявления нового Комитета послужили главной темой для новой книжки, выпущенной группой «Свобода». Книжка эта называется № 1 приложения к социал.-демократической (??) газете-журналу «Отклики». Ни газеты, ни журнала, ни газеты-журнала с таким именем мы еще не видали и не слышали, чтобы нечто подобное вышло в свет. Не слышали мы и о том, чтобы «революционно-социалистическая» группа «Свобода» перешла в лагерь соц.-дем. Последнее, между прочим, и не требуется: чтобы издавать «для рабочих соц.-демократическую» газету, по нынешним временам, вовсе и не нужно принадлежать к рабочей соц.-дем. партии: достаточно некоторой развязности и готовности надеть на свою физиономию террористического авантюриста соц.-демократическую маску. А маска эта нужна для успеха заигрывания с петербургскими сознательными рабочими, которые с «рев.-социалистическими» группами террористов не пожелают, пожалуй, и разговаривать.

Около половины книжки «Откликов» занято петербургским расколом, вернее, занято демагогическим раздуванием происшедшего раскола. Раздувание это производится с такой поспешностью и цинизмом, которые не позволяют читателю ни на одну минуту усомниться, что мы имеем дело с тем, что немцы называют попыткой «сколотить себе политический капитал». «Дождались!» кричит «Свобода» в заголовке статьи, занятой петербургским заявлением о расколе, предварительно подготавлив читателя другою статью к представлению об этом расколе, как о восстании мускулистой руки рабо-

чего против «командиров» — интеллигенции. Заявления «Комитета Раб. Организации», заключающие голый протест против решений партийного Комитета, «Отклики» называют «очень важными документами, показывающими в слишком некрасивом свете действия Петербургского интеллигентского Комитета» (стр. 19), вину за раскол они голословно вваливают на «интеллигентов» (стр. 26), при чем ни слова нигде не говорится о том, на какой почве происходит раскол, и нигде не видно, чтобы гг. Надеждин⁶ и К⁰ имели какое-нибудь представление о том, что имело и имеет место в Спб. Да и зачем ему это знать: достаточно, ведь, ловких инсинуаций, имеющих целью разжечь в деятелях-рабочих низменные инстинкты, которыми всегда пользуются политические авантюристы; достаточно послышать замутить воду, чтобы половить в ней рыбу.

Разговаривать с гг. Надеждиным и К⁰ нам не приходится: его группа слишком чужда нашей партии, чтобы всерьез считаться с его попыткой вмешаться в ее внутренние дела*. Мы отметим только две любопытные черточки в новейшем издании двусмысленной группы. Во-первых, укажем на то, что, расписавши в самом черном свете неизвестные ему деяния петербургских «интеллигентов» (среди которых имеются и подлинные рабочие) и наговорив кучу жалких слов об обидах, чинимых вообще рабочим интеллигенцией, автор вслед затем проливает крокодиловы слезы по поводу готовности рабочих обобщить свои претензии, распространив их на всю революционную интеллигенцию. Он объясняет петербургским рабочим, что им тоже не обойтись без интеллигентов (они понадобятся для «составления программы», для «издания газеты»). Короче говоря, после решительного «разноса» всех действующих в партийных комитетах интеллигентов, после прямого призыва, обращенного

* Как гг. «революционеры-социалисты» относятся к разбору разногласий по существу, видно из следующего. В брошюре «Что делать?» Ленин сделал «Свободе» прямой вызов, предлагая опровергнуть то положение, что «организация революционеров» необходима для распространения и укрепления работы в массах. Там же г. Надеждин обстоятельно разъяснялись весь вред и неприличие теоретического легкомыслия программной вертлявости («революционер-социалист» и почитай-что социал-демократ вместе с тем!), тактического шатания между революционизмом и экономизмом, между терроризмом и классовой борьбой пролетариата. Там прямо указывалось и доказывалось, что «Свобода» опускается до демагогии. Г. Надеждин предпочел уклониться от прямого вызова. Вместо открытой войны с поднятым забралом сей благородный вояка предпочел действовать из-за угла организационной распри. В «журнале для рабочих» (??) группа «Свобода», не разъясняя своих взглядов, только шипит, науськивая «массы» против «организации революционеров» и уверяя их, что «Искра» рубит «здоровый ствол» экономизма. Спорить по существу — это, ведь, только интеллигентская затея. А для «масс» достаточно воплей против «командирства» и прибауток — о «голодном брюхе и святом духе», о «вредном сапоге с гвоздями», о «свиньях и медных лбах», о «расслабленных мозговых желудочках» и «пятачках на хрюкале», о «швиоротной и зубодробильной части» и т. д. (см. «Отклики», стр. 30—55). «Массовую» литературу наши г-да революционеры-социалисты и социалисты-революционеры продолжают принижать до лубочной литературы и за эту свою заслугу они требуют себе права сеять разброд и разврат во всех серьезных партийных вопросах. Программа — двойная бухгалтерия, тактика — двойная бухгалтерия, практическая деятельность — демагогия, вот вам портрет «рев.-социалистической» группы «Свобода».

[Н. Ленин]

к рабочим других городов — бороться с интеллигентами (стр. 27), автор ставит свою собственную кандидатуру на должность того «белого ворона», которые, по уверению блаженной памяти «Раб. Мысли», встречаются среди черной «интеллигенции». Прелестно. И в заключении — «хочется и нам, с своей стороны, предложить вам посильную помощь... Если вы считаете неизбежным существовать в качестве отдельной организации от Петербургского Комитета... группа „Свобода“ предлагает вам воспользоваться ее литературными, денежными (курсив наш) и транспортными средствами, поскольку она сама располагает всем этим» (стр. 28). Работающие на местах товарищи, знающие по опыту действительную обстановку нередких распрей рабочих с интеллигентами, поймут без лишних слов, почему мы цитированную фразу считаем верхом политического неприличия.

Второе любопытное место в «Откликах» — заметка под названием: «А дальше что?». Она начинается характерными словами: «Сию секунду нами получено коротенькое письмо из Н.-Новгорода». Падкая на сенсацию редакция не могла, конечно, за одну секунду, прошедшую от момента получения письма до написания статьи по ее поводу, отнестись критически к ее содержанию. Этим, очевидно, объясняется тот факт, что в заметке «А дальше что?» шустрые «свободовцы» напечатали возмутительную клевету на нижегородских товарищей-демонстрантов. На основании «коротенького письма» они утверждают, что сормовские рабочие, за двумя исключениями, недостойно вели себя на суде, и по сему поводу опять обрушиваются на интеллигентов, — на этот раз за то, что они не сумели воспитать из рабочих таких деятелей, «за которых никому не придется краснеть» (стр. 64).

Опубликованные нами речи Заломова, Самылина, Михайлова и Быкова и появившиеся в различных нелегальных изданиях подробности о достойном поведении сормовцев на суде показывают достаточно, за кого «приходится краснеть» в этом случае. Как это часто бывает, распинающиеся перед несознательными рабочими «барчуки» обнаружили свое отношение сверху вниз и тайное недоверие к несознательным рабочим, легкомысленно напечатав полученное «сию секунду» обвинение, которое они никогда не позволили бы себе пустить в свет, не дождавшись его подтверждения, если бы оно относилось к революционерам-интеллигентам.

Попытка гг. Надежных эксплуатировать петербургский раскол не остановит наших товарищей во взятой ими на себя трудной задаче революционирования местного движения. Совершающаяся повсюду в России работа по восстановлению единства нашей партии будет, конечно, еще наталкиваться на всякие подводные камни. И все-таки она будет доведена до конца. Объединению русских соц.-демократов под знаменем революционного марксизма не смогут помешать никакие демагоги, никакие бернштейншанцы, прячущиеся за спинами «рабочих комитетов». Их попытки затормозить это объединение приведут только к их собственному политическому банкротству, к которому уже пришли их предшественники в деле дезорганизации русской социал-демократии. И те самые несознательные рабочие, с которыми эти господа так неприлично зангрявают, скоро

уже поймут, чего им ждать от тех «интеллигентов», которые, натравливая рабочих на интеллигенцию, систематически стараются не дать этим рабочим никакой серьезной умственной пищи, могущих сделать их способными исполнять, когда понадобится, работу интеллигентов; которые кормят их манной кашей особых «журналов для рабочих»; которые в книжках для «интеллигенции» пропагандируют террор, а для рабочих издают (не будучи соц.-демократами) «соц.-демократические» газеты и которые тем больше твердят о развитии самостоятельности масс, чем успешнее развращают они нашу молодежь, отвлекая ее от работы в массах к авантюризму террористических покушений. Рабочие уже начинают понимать цену этих расшаркиваний перед «мускулистым кулаком», и не далеко то время, когда господа, наострившиеся в искусстве говорить «со слезой» об обидах, чинимых рабочим их товарищами-интеллигентами, услышат внушительный ответ: «Нам не надо лакействующих».

[Л. Мартов]

НОВЫЙ «БЕСПРИМЕРНЫЙ» ПОСТУПОК «ИСКРЫ».

«Искра», как известно, редко бросает свой критический взор на Бунд, но когда это случается, вы можете быть заранее уверены, что тут дело не обойдется без некоторого, — парламентарно выражаясь, — логического кунштюка, обязывающего читателя к сугубой осторожности. Такими словами Загран. Ком. Бунда открывает № 96 своего бюллетеня («Последние Известия» от 26 ноября 1902 г.). Затем следует ряд «доказательств» непозволительного поведения нашей газеты по отношению к Бунду.

«Голос Рабочих» («Arbeiterstimme» № 27) развивал ту мысль, что на полицейские насилия революционеры должны отвечать террором. «Искра», передавая эту мысль, выразила ее словами: «партия должна отвечать политическими убийствами». З. К. Б. видит «введение читателя в заблуждение» в этой замене слова «революционеры» словом «партия». К сожалению, мы и сейчас не понимаем, в чем состоит наше преступление. Неужели «Гол. Раб.» давал указание революционерам чужой партии, а не своей собственной?». Не верится.

Говоря о резолюции V конференции Бунда, «Искра» «нигде не приводит ее текста». Не приводит это верно. Но «Искра» и не подрадилась приводить тексты всех резолюций, представляющихся ей противоречащими задачам соц.-дем. Ставить ей это «умолчание» в укор можно было бы лишь в том случае, если бы «Искра» неверно толковала содержание резолюции. Этого, однако, З. К. Б. не пытается утверждать. Он только говорит, что, не приведя текста, «Искра» «оставляет, таким образом, место самым диким предположениям относительно ее содержания, вроде того, что в ней рекомендуется, между прочим, экономический террор». Удивительно проницательные люди — редактора «Посл. Известий». В «Искре» прямо сказано, что резолюция Бунда «санкционирует точку зрения „Гол. Раб.“, а эта точка зрения определена там же как систематические убийства в ответ на розги. Где же тут «место» для «экономического террора»? И не стыдно ли редакторам «Посл. Извест.» так неумно изворачиваться, чтобы до-

казать прямую неправду, будто бы «Искра» умышленно искажала харзгер последних событий в партийной жизни Бунда?

Далее «Искра» «умалчивает, что резолюция необязательна, а составляет предмет свободной дискуссии в Бунде». Да, но «Искра» «умолчала» и о противоположном, т. е. она не утверждала, чтобы резолюция была обязательной. Указав, что резолюция принята «конференцией», т. е. совещанием, «Искра» тем самым исключила возможность предположения, что речь идет об обязательном решении. Наконец, «Искра» назвала конференцию «конференцией комитетов Бунда», а между тем «V конференция была только частным совещанием из членов Бунда, по выбору Ц. К., и комитеты, как таковые, в ней не участвовали». Мы, к сожалению, не имеем возможности знать внутренние дела Бунда настолько хорошо, чтобы безошибочно отличать совещания членов комитетов от совещания представителей комитетов. Думаем, что, поскольку идет речь о необязательной для Бунда резолюции, это отличие и несущественно. Если оно важнее, чем мы думаем, то в таких случаях среди порядочных людей принято фактической поправкой выяснять неточность передачи дела, а не вышивать по этому поводу узоры «кунштюков», «введения в заблуждение» и т. п.

«А вот еще пример», — прибегает свой самый сильный удар ред. «Посл. Изв». Речь идет о статье в № 27 «Искры» «История повторяется», вернее о «фокус-покусе», проделанном «Искрой» по ее поводу. «Искра» привела след. цитату из № 28 «Гол. Раб.»: «Сказать, с одной стороны, что полицейская расправа с участниками майской демонстрации громко вопиет о мщении, и, с другой стороны, что только полное политическое освобождение России может достойно отомстить за все притеснения, унижения и т. д., — это значит говорить языком талмудиста, который учит, что Илья-пророк даст ответ на все вопросы». Слова, подчеркнутые курсивом, по мнению редакции «Посл. Изв.», «присочинены «Искрой» и намеренно вплетены ею в цитату для того, чтобы иметь возможность вывести пикантный узор для полемики с Бундом».

По мнению ред. «Посл. Изв.», словам, отмеченным курсивом, в еврейском тексте «Гол. Раб.» соответствует фраза, вполне тождественная с следующей затем частью цитаты («Илья-пророк» и т. д.). Сначала фраза сказана на древне-еврейском языке, а затем дан ее перевод на жаргоне. Совершенно верно. Но верно также и то, что эта древне-еврейская фраза представляет обычный ответ Талмуда на хитросплетенные вопросы. Вопреки утверждению «Посл. Изв.», эта древне-еврейская фраза вовсе не есть «обычный способ выражения у евреев безотносительно к талмуду», это — обычный способ, которым талмуд отделяется от неразрешимых вопросов, и наш переводчик имел полное основание, при передаче цитаты на русский язык, тот оттенок, который «Голос Раб.» вносил вплетением древне-еврейского выражения в жаргонную речь, выразить словами: «говорит языком талмудиста, который учит» и т. д. Говорить по поводу этого, вполне законного объяснения читателям неизвестного им изречения о «сочинении» и «намеренном вплетении» могут только люди, которым во что бы то ни стало хочется излить свое раздражение.

Предлагаем читателю судить, насколько рационально было со стороны Загр. Комитета Бунда возбуждение по-

лемики по поводу отдельных выражений. По существу дела — З. К. Б. отлично знает это — «Искра» была права, восстав против террористического течения в Бунде. И мы надеемся, что это течение исчезнет тем скорее, чем усерднее гг. соц.-рев. будут демонстрировать на своем примере, как поступать не следует.

[Л. Мартов]

из

НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Вопрос об «отрезках» в Елецком уездном комитете о нуждах сельско-хозяйственной промышленности. Внесенное в наш проект программы требование о возвращении крестьянам земель, отрезанных от их хозяйства так называемой «великой реформой» 1861 г., вызвало, как известно, много возражений. В числе прочих доводов против этого требования нам пришлось слышать, что оно является плодом кабинетной мысли, далекой от действительной жизни (см. № 13 «Рев. Росс.»). Насколько знакомы с действительной жизнью наши критики, видно из того, что такие несомненные «практики», как члены уездных комитетов, начали уже подходить к этому якобы «кабинетному» вопросу.

И подошли они к нему вплотную, как только серьезно занялись вопросом о регулировании арендных отношений.

Об арендных отношениях заговорили в Елецком комитете. Было констатируемо, что в черноземной полосе громадный процент (чаще большинство) крестьян арендует помещичьи земли и что сплошь и рядом арендные цены превосходят чистый доход с арендуемой земли. Так, в Задонском уезде, при среднем чистом доходе с десятины в 10 р. 46 к., средняя арендная плата (с десятины) 14 р. 52 к. В Иземляном уезде — доход — 16 р. 03 к., плата — 18 р. 53 к. Для противодействия этому ростовщическому вздуванию арендных цен елецкие земцы предлагают «обязательный выкуп тех земель, которые необходимы крестьянам и в то же время не имеют никакого хозяйственного значения для землевладельцев. Таковы так называемые „отрезные“ земли, прогоны, разные клинья и т. п. участки и клочки, без арендования которых крестьяне не в состоянии обойтись» («Нов. Вр.» № 9597 от 21 ноября).

Понятно, что, не имея для помещиков «хозяйственного» значения в смысле производительного использования, эти «отрезки» являются источником кабальной, принудительной эксплуатации крестьян. Пользование именно этими землями придает хозяйству наших помещиков крепостнический характер, а их самих делает господами над личностью «освобожденного» крестьянина. «Совершенно справедливо, — говорит корреспондент «Нов. Вр.», — что эти именно отрезки, прогоны и клинья идут всего дороже в аренду, потому что крестьянское хозяйство прямо нельзя вести без них. Снимай во что бы то ни стало, снимай в прямой убыток... но снимай, потому что без них «дохнуть нельзя».

Мысль об обязательном выкупе отрезков отстаивал в Елецком комитете А. А. Стахович¹. «Целый ряд сельских хозяев» во главе с А. Д. Поленовым восстал против обязательного выкупа. По мнению Поленова, «„обя-

зательное отчуждение „отрезков“ должно применяться только в самых исключительных случаях „общественной пользы“. «Нов. Вр.» находит, что «с этим умеренным и благоразумным взглядом нельзя не согласиться», и предлагает выкупить отрезки при помощи крестьянского банка, как «миролюбивого посредника между обеими сторонами».

Возвращение отрезных земель и связанное с ним урегулирование арендных цен представляют единственно возможные средства нанести сильный удар крепостнически-кабальным отношениям в деревне — этому источнику нашей экономической, социальной и культурной отсталости. Но обставлять эту необходимую реформу какой-нибудь «выкупной операцией» и проводить ее методами «полюбовной сделки», — значило бы, пожалуй, еще больше запутать и без того сложную сеть, в которой бьется русский крестьянин-собственник. Развивающийся капитализм со всех сторон напирал на мелкое крестьянское хозяйство, и процесс его приспособления к создаваемым капитализмом условиям затруднился чрезвычайно, если освобождение от последних остатков крепостного права наградит крестьянина новыми платежами и повинностями. Только радикальное — безвозмездное, повсеместное и обязательное — отчуждение отрезков может принести крестьянам-собственникам заметное облегчение.

И только рабочая партия, чуждая и оппортунистической трезвости буржуазных реформаторов и утопизма романтиков-революционеров, воображающих, что, наклеив этикетку социализма или «полусоциализма» на дюжинные реформы, они создадут для крестьянства выход из теперешней нищеты вне широкой колеи классовой борьбы, — только рабочая партия сможет энергично агитировать в пользу этой радикальной, необходимой и истинно революционной меры, только она одна сможет собрать силы, необходимые для ее проведения в жизнь.

Поднимаемые в заседании земских комитетов важные общественные вопросы показывают всю настоятельную необходимость для нашей партии поскорее выработать и утвердить свою программу, могущую служить опорным базисом для воздействия соц.-демократических организаций на общественное мнение страны.

[Л. Мартов?]

Кострома. Присмирела наша Кострома: с самой весны у жандармов никак не наклеиваются «дела». Но связанные вынужденной праздностью силы ищут себе исхода. И вот наш полковник Кемпе предстает перед нами в роли любителя искусств... В Спб. есть некий жандармский офицер из делающих хорошую карьеру, Янов. Жене этого Янова, певице, вздумалось совершить артистическое турне. В маршрут этого турне включили и наш городок. Расклеили афиши там, где их «полагается» расклеивать, а затем... там, где ему совсем не подобало бы бывать, — в гостиных местных либералов появился Кемпе с билетами в руках. Станные речи раздались в либеральных гостиных! Он не просто пришел с билетами... О, нет! он хочет доказать «внутренним врагам», каким сочувствием общества пользуется его, Кемпе, деятельность. Нашим обывателям пришлось пережить неприятные минуты. Они отнекивались, придумывали разные предлоги, но... большую часть брали билеты, и сбор был почти полный. Треть чистого сбора с этого жандармского концерта пошла на дела благотворительности.

17 ноября в местном техническом училище праздновали юбилей основателя, Чижева. В числе прочих прибыл на юбилей и душеприказчик Чижева, известный всей России аферист Савва Мамонтов. Юбилей, как водится, за-

кончился обедом с обильными возлияниями. В самый разгар пира, когда затуманились уже буйные головы гостей, явился наш новый «общественный» деятель — Кемпе. Мамонтов приветствовал его речью о «подводных камнях», угрожающих «кораблю жизни», и предложил тост за него, как за один из этих «камней». Кемпе имел достаточно наивности или такта, чтобы принять тост благосклонно, но... больше никто тоста не поддержал. Хорошо же вышколен русский обыватель, если он не отзывается даже на застольную шутку, мало-мальски щепетильную.

Впрочем, как видно, не все у нас довольны поведением общества. Недавно вышла прокламация «группы свободомыслящих», авторы которой, резко клеймя деятельность Кемпе и тов. прок. Масальского, приглашают общество бойкотировать их.

Тоже недавно вышла другая прокламация «старых земцев», подписанная «Группа Освобождения». В этом воззвании, разосланном гласным костромского губернского земского собрания и гласным некоторых других городов, земские люди приглашаются — в виду политического кризиса, переживаемого Россией — перейти к новым приемам борьбы. Рекомендуются выставить лозунгом пресловутый четвертый пункт программы майского съезда земцев в Москве. Пункт этот содержал требование участия в Особом Совещании выборных земских представителей и был вычеркнут Шиповым после его разговора с министром. Авторы предвидят, что в «большинстве земских собраний такое требование не будет допущено до обсуждения, — среди председателей губернских собраний Стаховичей, к сожалению, немного». Но тогда остается еще один путь: «легальный протест», и такой протест должен вылиться в форме забастовки. Исполнимость доказывается прим. студ. и рабочих; возражение, что все земское хозяйство остановится при отказе от рассмотрения смет, опровергается доводом о возможности вести его по прошлогодней смете. Как-никак, — эта прокламация симптом брожения и в земской среде. Чтобы охарактеризовать строй мыслей ее авторов, приведем следующую выдержку. Речь идет о признаках политического кризиса, «значение которого не оценено в надлежащей его полноте ни одной из существующих наших партий. Самые факты, однако, указывающие на существование кризиса, неоспоримы. Эти факты — непрерывно беднеющее крестьянство с явными признаками вырождения, накопление в городах громадных масс безнадёжно безработных, глубоко проникшее во все слои недовольство, крайняя изнервленность и взвинченность всего общества, энергическая, вызываемая отчаянием (?) деятельность крайних партий, колебание дисциплины в войсках и, наконец, самое важное — глухое брожение среди народных масс, грозящее каждую минуту перейти в открытое восстание, которое может вместе с абсолютной монархией смести и самый принцип монархии, вместе с злоупотреблениями частной собственности смести и самый принцип (ого! Ред.) этой собственности».

В августе месяце в «глухих местах» нашей губернии, по р. Вичуге, был большой переполох. Один рабочий, приехавший из Н.-Новгорода, привез с собой несколько штук прокламаций. Они быстро пошли по рукам, но скоро попали к уряднику, а потом к Кемпе. Голубые нагрянули и обыскали чел. 20. Виновника тоже обыскали и при нем нашли две прокламации, но так как он лежал в больнице, его не арестовали. Около этого же времени усердно, но безуспешно, искали одного интеллигента, некоего Щеколдина.

Место это дикое, и подобных историй там не бывало испокон веку. Теперь все от мала до велика об этом заговорили. Среди хозяев паника: «вот, мол, и к нам крамола забралась!», а серый народ начинает шевелиться и думать. Спасибо голубым «агитаторам по неволе»!

Самара город большой, но, как и за большими собаками, за ней смело могла бы сохраниться репутация отменной тишины и спокойствия. К ней приложена та же характеристика, какую один составил образцового учебника по русской истории дает всей России: чиновники тут управляют, купцы торгуют, рабочие работают, фабриканты и заводчики собирают барыши, учащие учат, учащиеся учатся, интеллигенты совершенствуются в саморазвитии,

словом, каждый занят своим делом, никто никому не мешает, и все в общем благоустраивают. Единственным диссонансом в общей гармонии интересов и всякого благополучия является самарская полиция, которая, наскучив сидеть без дела, волнуется и интригуется, провоцирует, словом, всячески добивается приложения своих сил, создает почву. После злополучного выстрела Логовского она упорно старается поддерживать в высших сферах взгляд на Самару, как на очаг всяческого революционного брожения.

Город, в котором, несмотря на безобразные условия работы на заводах: низкий заработок, рабочий день, удлиняемый под видом добровольных сверхурочных работ до 15—17 и 18 часов, полное отсутствие мер предосторожности (напр., в экипажном заведении Флеккел пилы без деревянных ручек), нахальное нарушение законов о штрафах (на заводе Лебедева рабочих, не потрафивших хозяину, рассчитывают вместо 8 дн. за 5 дней; там же рабочего, выработавшего на сдельной работе несколько больше, хозяин обзывает мошенником и рассчитывается с ним по-денно); город, в котором за несколько лет не было ни единой стачки, не говоря уже о какой-либо более серьезной вспышке, административная фантазия обращает в очаг революции. Каждую весну богобоязненные обыватели со слов знакомых околотовых рассказывают об имеющих быть в том или другом месте демонстрациях. В известные числа солдат не выпускают из казарм, ожидая чего-то. Проходит весна, лето, осень, а на Шипке все спокойно. И вот наша жандармерия нашлась. Из пустой вечеринки прошлого года она сумела создать дело, сослав в Вятскую губернию двух якобы устроителей ее — Кузнецова, бывшего ветеринарного студента, и учредителя курсов бухгалтерии Севруха и посадив в тюрьму барышень, повинных лишь в танцах на этой вечеринке.

15 и 16 окт. этого года она вновь предприняла поход, устроив до 20, по некоторым известиям до 35 обысков. Арестованы: железнодорожный служащий Зиссер, два бывших статистика Акромовский и Евтимович, какой-то семинарист и гимназист, земский техник, были обыски в аптеке Волянского, кто-то взят в ней, и в табачном магазине Габай, у управского служащего Иванова, железнодорожного служащего Барыбуна (местного последователя Левицкого) и др.

Обыски захватили и уезд: оттуда жандармы привезли одну земскую учительницу. О причинах обысков говорят разное. Одни говорят, что это результат введения в Саратов Охранного Отделения, другие, что сыр-бор загорелся из-за невинного произведения пригородной музы социалистов-революционеров, попавшей в наши заповедные палестины. В произведении этом ставится на вид кому следует, что автор неудачного покушения на харьковского губернатора принадлежит к кругу заводских рабочих, и предлагается по этому поводу рабочим требовать себе фабрик, а крестьянам землю. Кстати, нельзя не упомянуть о проявлении нашими синими мундирами самодурства: за отказ давать показания или же за нежелание выдать товарищей они морят заключенных отказом в пропуске сестринских припасов и сведений. Прокурорский надзор, повидимому, считает это в порядке вещей.

Последствия киевского побега. Дело о побеге передано суд. след. по важнейшим делам. Помощник начальника Сулема сидит в крепости. Тюремное начальство предкажет каторгу Плесскому и тем участникам побега, которые будут вновь пойманы. Известие о самоубийстве тюремного привратника Луки подтверждается. Жандармы «пытались» доказать, что побег вовсе не совершен помощью лестницы, что этот привратник по одному выпустил беглецов через ворота, лестницу же после поставило тюремное начальство.

Курск. На земском собрании раздавалась гектографированная прокламация за подписью «Голос из публики», обращенная к «Господам гласным курского губернского земства» с эпиграфом: «Рожденный ползать — летать не может» («Песнь о соколе»). Приводим главные места этой прокламации:

«Возмущенная публика, собравшаяся в большом количестве на открытые земского собрания, не может обойти молчанием Вашего пассивного отношения к позорному событию — устранению кн. П. Д. Долгорукова от земской деятельности...».

Обрисовав эту деятельность, прокламация продолжает: ... «Трудно прикрываться при данных условиях своею лояльностью, невозможно оправдываться тесными рамками закона, когда одна трусость, один шкурный вопрос соединил всех в этой безучастности, в этом почти индифферентном отношении к самому факту дикого произвола, царящего у нас на Руси. Высочайшие соизволения, как известно, находятся всецело в руках нахального временщика, г. Плеве; на докладах министра синим карандашом ставится царем буква „С“, т. е. „Согласен“; один почерк пера отставляет от должности председателя управы, другой подписывает тому же лицу почетное гражданство. Не зная этого губернским гласным, по меньшей мере, наивно. Отрезвленное последними катастрофами, совершившимися в земской жизни (аресты Бунакова, Мартынова, смещение уездн. предв. двор. Воронежского уезда Алисова и т. п.), губернское земство должно было бы протестовать и свой протест резко и достойно заявить, чтобы с поддержкой других земств сбросить с себя давящее иго министерского произвола. Вы робко поддерживали робкое предложение г. Белявского о выражении благодарности кн. Долгорукову; не было произнесено ни одной речи, в которой была бы сделана достойная оценка деятельности ушедшего товарища. Наконец, Вы даже не поддерживали предложение г. Жекулина послать князю сочувственную телеграмму — самая трусливая и безопасная форма протеста. Вы молча согласились на это, покорно выслушав запрещение Вашего „законного“ дворянского вождя, несмотря на его незаконные требования. Мы не будем говорить о гг. Суковкиных, Романовских, Исаковых, Касаткиных-Ростовских, Шпановых, Говорухе-Отроках, Мухановых и т. п., но даже такие, как гг. Евреинов, Якушкин, Рутцен, Ширков, Раевский, Шагаров, Влигенгейм, Овсянников, Куликовский и др., за которыми публика следила с напряженным вниманием, думая, что они спасут честь земского собрания, — остались безмолвны.

«Теперь администрация будет совершенно покойна: земских гласных можно напугать, они послушны, а таких бояться нечего. Не думайте, гг. гласные, что публика ушла с хор, испугавшись неистового звонка председателя!! Нет! Громадное большинство удалилось вследствие того негодования, которое испытывал каждый, присутствуя на одном из позорных заседаний Курского губернского земства».

* * *

Обращаем внимание всех товарищей на эту, заслуживающую подражания и развития, попытку открытого и организованного воздействия на господ «цензовых» представителей «земли» со стороны свободных представителей общественного мнения вообще и мнения рабочего класса в особенности. Ред.

Еще о студентах в Сибири. Нам пишут:

... «По вопросу о том, как отнестись к предлагаемому сокращению сроков и возвращению в Россию, студенческая публика сильно раскололась; сказать в точности, за что стоит большинство, — трудно. Первая категория почти целиком уехала; часть второй стоит за возвращение, часть — против. Теперь одна группа взяла на себя инициативу опросить всех, подсчитать голоса и тогда, если будет большинство, послать отказ; этим путем надеются добиться сравнения II и III категорий и возвращения всех.

«Ссылка и ряд вопросов, связанных с ней (отношение к правительственным актам, возвращение и проч.), все это обнаружило ряд совершенно различных групп в среде сосланного студенчества: часть выделила себя совершенно, заявив, что ей до студенчества в массе нет дела; другие заявили, что хотя они себя и вычеркивают из студенческой среды, но по чувству товарищества присоединяются к решению и пр.

«У некоторых студентов заметна тенденция смотреть на сосланную группу как на какой-то авангард студенческо-

политической партии (на одном из собраний был даже задан вопрос: „Признают ли присутствующие студенчество партий?“)...

Мы получили также следующее «Письмо к товарищам-студентам», подписанное «группа ссыльных студентов в Сибири» и свидетельствующее об иных взглядах:

«Из далекой Сибири. Письмо к товарищам студентам.

«Товарищи! Перед нами — начало великой исторической драмы. Правительственная политика последних лет — это не что иное, как предсмертные конвульсии умирающего чудовища. Не по дням, а по часам растет та грозная сила, которой суждено стать его могильщиком. Это — русский рабочий класс, проснувшийся и уже расправляющий свои могучие члены, как сказочный богатырь. А за ним и вместе с ним ожила вся русская жизнь ожили все честные и лучшие силы России. Даже темное крестьянство — темной своей издавна служившее надежнейшей опорой русскому деспотизму — вдруг заколебалось и потеряло свою прочность и надежность.

«Чувствуя приближение конца, русское самодержавие растерянно кидается от одного средства к другому, напрасно ища спасения. Верно, почуяв, с какой стороны грозит ему неминуемая гибель, где тот непобедимый противник, «мускулистая рука» которого подымется, и «ярмо» деспотизма, огражденное солдатскими штывками, разлетится в прах», правительство наше испробовало уже не мало мер и средств — подлых и предательских, чтобы вновь усыпить проснувшегося богатыря. Но — напрасно. Пришлось бросить все хитрые уловки, как бесполезные. И самодержавное чудовище, принужденное скинуть с себя фальшивую маску, явилось перед всем русским обществом — имеющим очи и видящим — во всей своей отвратительной наготе. Пули, нагайки, виселицы, розги и море крови были ответом рабочему классу на его первые шаги по пути самосознания.

«Точно также и к нам — студентам, после целого ряда безнадежных помахиваний хвостом и неудачных „сердечных“ заигрываний, применена была „мера пресечения“, столь откровенно-циничная по своей незаконности, столь грубо-бесцеремонная, что сумела вызвать нечто вроде ропота даже из уст вечно замкнутых и трепещущих...

„Скорый и правый“ суд, произведенный над студентами царским самодержавием, расшевелил даже нашу, всегда столь благоразумную и осторожную обывательщину.

«Ссылка в Сибирь — без излишних рассуждений и промедлений, — эта грубая и жестокая расправа, не прикрытая даже и комедией законности, растревожила, наконец-таки, и этого корректного, бесчувственно-осторожного раба с заячьей душой и с сердцем пигмея. И поистине надо признать, что это было последнее «героическое усилие» русского самодержавия: не оставить ни единого уголка нашей обширной родины, не забросив туда искры недовольства и справедливого гнева к его собственному беззаконию. Дальше идти уже некуда. Единственными искренними друзьями русского царизма остались теперь разве шпионы, жандармы и полиция.

«Но вот, совершив пакость, самодержавие, по старой своей привычке, вдруг спохватилось и... для „успокоения умов“ порешило выкинуть свою старую испытанную штуку: подсластить совершенное преступление. Ведь русский обыватель глуп и доверчив.

«И что же? К нам в Сибирь неожиданно-негаданно является фон-Плевевский посланник — жандармский шеф Святополк-Мирский с целью... совершить милосердие, „облегчить участь“ сосланных студентов.

«Подумайте только. Царское правительство шлет в далекую Сибирь самого товарища министра (ныне, как известно уступившего свою почетную должность distinguished мерзавцу фон-Валу), и притом шефа жандармов, чтобы оказать свою „справедливость“ и свое добросердечие. Высокопоставленный жандарм мягким, отеческим тоном говорит о „пересмотре дела“, предлагает раскаться, общается вспрошение и за все эти „милости“ требует лишь одного маленького честного слова: отказаться быть порядочным человеком и сделаться свиньей (комментируем: Святополк-Мирский предлагает многим из товарищей дать слово не участвовать ни в какой нелегальной деятельности).

«Но представьте себе: эти „крамольники“ — студенты, эти „нераскаянные злодеи“, все, как один, отказываются пойти навстречу царскому заигрыванию. Мало того: некоторые из них в „непозволительно-дерзком“ тоне заявляют свое нежелание вступать в какие-либо беседы с царским посланником...

«Да, товарищи, мы не пошли на позорную сделку. Мы резко отвергли жандармское предложение. Пусть знают все, что мы вступили в борьбу сознательную и бесповоротную, в которой нет места соглашениям с врагом.

«Какое впечатление произвела эта поездка жандарма на общество, мы не знаем, но нет сомнения, что безвозвратно прошло то время, когда русское правительство способно было „подавать надежды“ и порождать „бессмысленные мечтания“ своим жалким заигрыванием у кого бы то ни было... Поздно. Теперь иное время. Близка уже развязка, когда захлебнувшееся в крови русское правительство даст ответ за все свои обманы, пытки и преступления перед восставшим народом. Все жалкие заплатки-реформы, которыми оно растерянно силится умиротворить то возмущение рабочих, то бунт крестьян, то студенческие волнения, теперь никого не прельстят уже более.

«Мы, студенты, не хуже других знаем теперь всю цену хитрым и гнусным уловкам. Русское самодержавие, обезкураженное безостановочным ростом революционного движения, бросается с одного пути на другой, от одной крайности в другую, и, может-быть, еще не раз русское студенчество испытает на себе его тяжелую лапу — то заигрывающую, то зверски карающую... Но мы всегда и твердо будем помнить, с кем имеем дело. Мы всегда должны знать и помнить, что плодотворная научная работа, что истинная наука несовместима с царским самодержавием, как огонь и вода.

«В самодержавном государстве наука может процветать, но не процветать.

«Пусть сколько угодно твердят нам „ученые“ прихвостни самодержавия, что „политика“ не наше дело, что наше дело, заткнув уши, сидеть и зубрить, мы с презрением отвернемся от них. Нет, товарищи, мы не только учащиеся, не только студенты, мы прежде всего люди, и, как люди, мы не можем примириться никогда с нашим полным бесправием, с ежедневным издевательством и насильством всех добрых порывов, всех честных стремлений... Прежде всего нам необходимо стать гражданами, а не жить рабами, ежедневно рискующими быть униженными, опозоренными, втоптаннми в грязь. Тогда, и только тогда, сможем мы думать о мирной и спокойной научной работе. Теперь же такое спокойствие мы объявляем преступлением. В то время, когда родина наша стонет и истекает кровью под варварским игом царизма; в то время, когда то здесь, то там славной смертью гибнут борцы за свободу; в то время, когда проснувшийся богатырь, русский рабочий класс, скованный двойной цепью — самодержавия и капитализма, восстал на беспощадную борьбу и трупами своими усеивает путь, — мы... станем сидеть за ретортой, копаться со скальпелем или, забившись в аудитории, слушать лепет „ученых“ чиновников?... Нет, товарищи, тысячу раз нет. На борьбу, на беспощадную борьбу должны мы пойти. Там наше место, там теперь место и всех честных русских людей. Бывают в жизни народа моменты, когда лишь одна наука — наука борьбы — обязательна для каждого. И такой-то именно момент переживает теперь наша родина. Борцам за свободу нечего бояться неудачи и горьких разочарований. Их ждет верная победа: за современным революционным движением — все экономическое и культурное развитие России. С 80-х годов это развитие сделало исполинский шаг вперед и выдвинуло на историческую сцену новую, еще невиданную доселе и могучую силу, армию русского пролетариата, сконцентрированную и сплоченную безостановочным ростом капитализма. И только он, этот новый, непобедимый борец, способен совершить многотрудное дело освобождения; только он — этот носитель великой идеи социализма, воодушевленный славной задачей, выпавшей на его долю — сотрет с лица земли позорное иго России.

«С каждым днем растет самосознание русского рабочего класса, с каждым днем близится гибель царизма.

«Наш долг, товарищи, наша святая обязанность пойти на помощь к этому проснувшемуся великану — освободителю, к этому победоносному борцу и могильщику самодержавия. К нему, к рабочему классу, должны мы снести все крохи своих знаний; ему, и только ему, должны мы отдать все свои силы и самих себя. Там, в его рядах, в рядах пролетариата, воодушевленного великой идеей социализма, мы должны найти и мы найдем себе место. И вместе с ним, под красным знаменем революционной социал-демократии, с негодованием оттолкнув всякие „ласки“ и заигрывания самодержавия, смело и дружно двинемся вперед на подгнившую, расшатанную крепость русского царизма.

«На борьбу же, товарищи! К верной победе! Долей царское самодержавие! Да здравствует социалдемократическое движение!

«Сентябрь, 1902 г.

Группа ссыльных студентов в Сибири.

Француз, как защитник русского «престола и отечества». В московской 4-й мужской гимназии учитель франц. языка, вместо преподавания ученикам своего предмета, занимается пропагандой антиреволюционных идей и является защитником монархического образа правления. Ведет он свои занятия систематически с учениками последних классов, особенно с выпускным классом, и нельзя сказать, чтобы занятия его были совсем неудачны: есть образчики его влияния и его успехов в этом деле. Так, он приносит в класс и дает читать ученикам сочинения Горького и «Воскресение» (заграничное издание) Л. Толстого, третируя и ругая их, как идиотов, болванов и бездарных писателей, искажающих действительность и приносящих вред настоящему образу правления. Доказывает ученикам, что Горький чуть ли не анархист; что он защищает всех пьяниц, воров и бездельников, по-такая их пьянству и бездельничанью; что все эти хитровцы — пьяные бездельники, не желающие работать, и что оттого-то они и голодают, что хотят все получить в даровину; что крестьяне бунтуют под влиянием «злой пропаганды революционеров»; что они вовсе не голодают, а хотят лишь ограбить помещиков и воспользоваться, не трудясь, их благосостоянием; что революционеры из-за своих личных выгод хотят воспользоваться крестьянами и рабочими, как пушечным мясом. Личная же выгода революционеров состоит в том, чтобы, воспользовавшись бунтами, самим захватить все видные и богато оплачиваемые посты и сделать таким легким путем себе карьеру, сделать же ее честным путем у них-де не хватает способностей, да и нет желания работать на пользу отечества. В таком же духе он проповедует им и о студенческих беспорядках, что все это, дескать, происки бездарных лентяев, которые хотят кончить университет, не трудясь; не трудясь честно, создать себе карьеру. В доказательство своих разглаговствований он приносит в класс нелегальные листки и брошюры (вероятно, из Охранного Отделения), стараясь опровергать их содержание. На учеников он производит сильное впечатление, они от него в первый, может-быть, раз слышат разговоры на политические темы, а запрос, конечно, у них есть, и вот они, вместо скучной зубрилки неправильных французских глаголов, слышат разглаговствования на столь животрепещущие темы; свободно могут задавать ему вопросы, слышать ответы, обсуждать совместно их и, под его предводительством, вырабатывать себе «резвые» взгляды. Ученики, 15—16-летние мальчуганы, уже хвастаются, что они-де в университет вступят уже созревшими людьми с определенной трезвой точкой зрения на все вопросы.

Вот еще пример той разлагающей атмосферы, под влиянием которой воспитывается наше юное поколение. В женской гимназии г-жи Пуссель (что на Покровке, в Москве же) практикуется систематическое преследование всех учащихся девочек-евреек; русские девочки решили во что бы то ни стало выжить их из гимназии: они с ними не играют, не ведут знакомств, подстраивают всякие шалости и обвиняют в них евреек; наконец, клезуничают, доносят на них. Все это проводится с молчаливого согласия школьного начальства. Были случаи, когда девочкам-еврейкам становилось невтерпёж дальнейшее пребывание в гимна-

зии, все эти издевательства и насмешки и прямо-таки преследование каждого шага и слова — и они уходили из гимназии. Есть такие же случаи и в мужских гимназиях: не особенно давно был случай, когда таким же способом выжили из гимназии одного поляка. Здесь уже мальчуганы ухитрялись не только издеваться, но прямо колотить его, чуть ли не всем классом...

ХРОНИКА РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ и ПИСЬМА С ФАБРИК И ЗАВОДОВ

Ростов-на-Дону. Мы можем теперь сообщить опущенные в № 29 имена ораторов на ростовских рабочих сходках: интеллигент Брагин (арестован) и рабочий Ставский. Последний, вместе с некоторыми своими товарищами, счастливо спасся от полиции и находится теперь за границей. Он прислал нам подробное описание всей стачки, которое мы, в виду его размеров, намерены издать отдельной брошюрой (вместе с собираемыми дополнительными материалами о стачке).

Приводим корреспонденции об окончании стачки, о впечатлении, производимом ею, и о событиях в Тихорецкой и Новороссийске.

«Ростов-на-Дону, 20 ноября 1902 г. Последние пять-шесть дней очень трудно было получить какие-нибудь сведения с „поля действия“. Полиция творила нечто невозможное. Приехала масса войск, в то же время некоторые фабрики удовлетворили незначительные требования, выставленные рабочими, и последние пошли на работу; осталось забастовавших рабочих около трех тысяч, которые, конечно, ничего не могли сделать с ордой полиции; поэтому, несмотря на все старания, общие сходки не могли состояться, переносили их в разные места, но полиция находила и разгоняла. Город имел вид завоеванного какими-нибудь дикарями. По главным улицам целыми днями ходили огромные патрули казаков, у разных учреждений стояли конные казаки, город был оцеплен казаками, равно как и таможенные входы и выходы. На вокзал публику не пускали без вещей и лишь из дрожек. Несколько рабочих Владикавказск. ж. д. взялись за работу, но были избиты товарищами; вмешалась, конечно, полиция, и было опять много раненых. На улицах казаки хватали подмастерьев, непричастных к делу, если они вели громко разговор о событиях, и арестовывали их. Пишущий эти строки видел третьего дня перед вечером, как несколько сильно выпивших (а монополия закрыта!) конных казаков выехали на тротуар и ударили нагайками нескольких девочек-подростков из работниц за то, что они будто бы их дразнили. На улице буквально невозможно стало ходить, чтобы не натолкнуться на какую-нибудь гадость. Полициймейстер расклеил очень „разумные“ прокламации, гласящие, что если у кого-либо найдены будут на дворе или в доме камни, то он будет строго наказан. Дворники тоже за этим следят. Третьего дня полициймейстер объявил рабочим, что велит гудеть к работе; если они за работу не встанут, то он их моментально вышлет на родину. Гудки третьего дня гудели, и вчера тоже; рабочие явились и спросили, удовлетворены ли их требования, и, получив отрицательный ответ, ушли во-свои. Вчера арестована масса рабочих, и уже началась их высылка; вчера по главной улице видна была масса женщин, стоявших кучками, — это жены арестованных.

«Сборы в последнее время идут лучше, дают почти все, ходят собирать по домам, в учреждениях служащие дают проценты с жалованья. Сочувствие необыкновенное, все только о стачке и говорят. Получаются вести из Тихорецкой; там происходило нечто ужасное; насчитывают более 30 (?) убитых и 100 раненых. Говорят, полиция врывается в дома зажиточных людей, грабит (нашли у полиции массу краденых вещей), колотила нагайками женщин и детей. Говорят, полиция предана суду. Отсюда отправлено туда много войск. В ростовских рабочих, особенно владикавказских, заметно желание бороться до последней капли крови.

«Бесь город проклинает полицию, которая своим поведением многих разозлила. Магазины пустеют, приезжих купцов совершенно нет, в театрах пусто; запретили пока ставить «Мещане», — бояться там демонстрации. Собирают деньги даже среди маленьких гимназисток, в разговоре которых слышатся слова: забастовка, сходка, требования и т. п. Праздно гуляющих на улицах очень мало.

24 ноября. Вчера уже рабочие и Владикавк. ж. д. принялись за работу. Атаман, бывший вчера несколько часов здесь, сказал одному знакомому: «Да, если бы не сочувствие публики, давно все кончилось бы; вот, если бы поймать тех, кто деньги давал, оштрафовал бы во сто раз больше».

«24 ноября вечером. Сейчас уже точно известно, что рабочие начали работать. Главный управляющий сказал, что почти все требования будут удовлетворены (он им ручается своею жизнью), если они немедленно примутся за работу. Говорят, будто Хилков хочет, чтобы они первые взяли за работу, а потом требования будут удовлетворены.

Вот также в дополнение некоторые выдержки из частного письма одной «мирной ростовской дамы»:

«Ростов-на-Дону, 12 ноября... Сочувствие к рабочим в городе необыкновенное среди всех классов; несколько приказчиков вчера говорили: „Молодцы ребята, что отстаивают свое, непорочно только социалисты чересчур много болтают неприличного“. Сегодня один извозчик сказал так: „Мы не допустим, чтобы резали, как в Петербурге“...

«...Говорят в банках, театре, дома только лишь об этом, горячо сочувствуют рабочим, хотя сочувствие у всех пока только в душе. До чего теперь говорят об этом, можно судить по тому, что одна маленькая девочка сказала своей матери, которая собиралась уходить: „Не ходи, голодные и тебя засекут“.

«14 ноября: Сегодня удалось говорить с женой забастовавшего рабочего, живущей на Темернике. Женщина 17 лет поразила своим сознательным отношением к соотечественникам. „Какое право имеют в нас стрелять? ведь мы собрались, чтобы потолковать о наших нуждах, ведь каждый сам за себя не в силах постоять“. В восторге они все, по ее словам, от речей: „Кажется, и сама это думаешь, а не выскажешь так“...

«...Много раненых в железнодорожной больнице говорят врачам: „Скорей подымайте нас, нас ждут товарищи“...

«...Целыми днями заметно сильное движение к Темернику кучками, горнорабочие, босяки и т. п. Извозчик сегодня, обернув спину, сказал: „Знаешь, куда идут все?“ и засмеялся. Сбор денег теперь идет гораздо лучше, несколько богачей русских (это особенно интересно) фабрикантов дали по 100 и по 50 руб. Воспитательное значение этих событий в Ростове необыкновенное. Они создают не одного революционера, пробуждают мысль и готовность хоть-чем нибудь служить. Это не выстрел, который действует на чувство, который быстро забывается. Люди, которые совершенно ничем не интересовались, целыми днями об этом говорят, ни о чем другом невозможно думать. Молодцы — комитетцы, их можно теперь смело поздравить и пожелать в дальнейшем успеха».

Интересно также следующ. сообщение (из одного частного письма), проверить которое мы не имели еще возможности. «На первой сходке было постановлено: не пить водки во время забастовки, и это постановление свято всеми исполняется».

Последнее наше известие из Ростова гласит:

«Здесь происходит беспощадная высылка рабочих: мужчин отрывают от семей и отправляют поездом верст за сто, а потом выпускают на все четыре стороны — доходи сам до родины пешком. Брагин (оратор на сходках) сидит в тюрьме на ст. Каменской. Арестовано пока много рабочих. Около 300 чел. выслано. В пятницу, 29 ноября, взят, по доносу родственника, С. Мелешко, а 2 декабря выпущен после допроса, выяснившего всю лживость доноса. С 1 по 19 ноября Донской Комитет выпустил 17 разных прокламаций, числом 30 тысяч штук. Собрано денег 2.200 руб.

«Сюда ожидается фон-Валь, а с ним новые обыски, аресты и высылка поднадзорных. По квартирам учащихся

рыщут инспектора и директора и производят обыски. Гимназист 7 кл. Долженко, арестованный вместе с Брагиным, выпущен.

«В ж. д. мастерских удалили двух мастеров; остальные требования пока не удовлетворены. Доктор подал в отставку. Пришлые казаки уже уехали из города».

Тихорецкая. «Здесь вышло так: 15-го бросили работу; требования те же, что и в Ростове. 16-го явились казаки с Маламою (атаман из Екатеринодара) во главе. 17-го созвали рабочих и приказали идти на работу. Когда те настаивали на своих требованиях, Малама приказал напасть на толпу. Рабочие сели и снимали шапки. Но казаки, с обнаженными шашками и с нагайками, врезались в лежащую грудой людей, давя их копытами и рубя направо и налево. Рабочие голыми руками пытались защищаться, но все было напрасно: на месте бойни осталась масса отрубленных частей тела, куча раненых. В бегущую толпу дано несколько залпов, 5 убито на месте, 17 тяжело ранено. Двое убиты так: один рабочий нес на коромысле два ведра воды домой: казак прицелился в несчастного и убил его наповал, а затем и жену, выбежавшую спасать мужа. Затем начался грабеж. Малама командовал очищать ж.-д. казармы, в которых жили рабочие; казаки стали выкидывать на улицу все имущество рабочих, разбивать сундуки и грабить. «У вас недавно была полчка, давайте деньги», кричали озверевшие башибузуки. Одна женщина пыталась оборонить свое добро: ей рассекли шашкой живот... Что дальше творилось, неизвестно».

«Казаки неистовствовали, как звери, врвались в дома рабочих, били всех, — детей, женщин, стариков. Женщин и девушек насиловали, имущество грабили. В одной квартире на полу найден ребенок, пригвожденный кинжалом. Убитых и раненых отправляют в разные места. В Новороссийск отправлено 18 человек, из которых шестеро умерли в дороге. Так расправляются царские башибузуки с рабочими. Зверства дошли до того, что рабочие послали в Ростов телеграмму управл. дорогой: «Защитите нас от казаков».

Новороссийск. Весть о ростовской стачке сильно взволновала рабочих гор. Новороссийска. На приглашение принять участие и поддержать товарищей они ответили полным согласием. 17 ноября после завтрака рабочие стали звонить в колокол, давать гудок и т. п. Бросили работать все, работающие в мастерских (около 600 чел.), и пошли толпой по пристани и заводам. Работа приостановилась всюду: на мелких заводах, на элеваторах и на пристани, а на цементном заводе администрация, испугавшись погрома, сама выпустила рабочих и — «вмиг ворота на запор». К сожалению, между рабочими не было опытного человека, который руководил бы толпой. Все, однако, держали себя тихо и спокойно. На следующий день приехал на сходку вице-губернатор, появилась полиция и жандармы. В ответ на глумления вице-губернатора из толпы выступил юноша лет 16, бывш. гимназист Калинин, и повел с ним беседу в таком духе: Вице-губ. Что вы заступаетесь за рабочих и требуете увеличения платы? Они ведь ее и так пропивают. Кал. Рабочий получает 25—30 руб. в месяц и иногда большую часть пропивает. А вы получаете десятки тысяч и тоже пропиваете или проигрываете в карты. И т. д. На рабочих его речь произвела наилучшее впечатление. Они предъявили властям писанные требования, однородные с ростовскими, к которым были добавлены еще местные. Сперва их не хотели принять, но потом приняли и обещали ответ на завтра, 19 ноября, в 3 часа дня. В назначенный срок рабочие собрались около мастерских. Тут же стояли казаки, числом около 500 чел., полиция, жандармерия. Администрация объявила, что требований удовлетворить не может. Кто не желает работать, получит расчет и будет выслан на родину. Жандармы пытались арестовать Калинского, но толпа не дала... Были и прокламации (гектограф)... Но настроения рабочих хватило ненадолго. Узнав, что в Ростове стали уже работать, в субботу 23 ноября новороссийские рабочие тоже пошли на работу. Все же маленькие уступки были сделаны. На цементном заводе немного увеличена плата

за нагрузку, а в мастерских рабочим предоставлено вырабатывать неограниченное количество сдельной платы. По городу ездят казаки, которые не допускают новых собраний. Теперь производятся аресты, главным образом, среди рабочих. Калинин скрылся...

Новочеркасск. В мае в здешних железнодорожных мастерских на железодельном заводе Отто и Миненкова, в слесарно-механической мастерской Фаслера, Ф. Х. и немного по городу были разбросаны и расклеены майские листки (первый раз). Разговоров по их поводу было много. Приблизительно в то же время листки (другие) были и в местной воинской команде, но там их скоро отдали начальству (уряднику). Переполоху было много. В местном юнкерском училище весной был обыск, но ничего не найдено. 28 сент. начальник местного жандармского управления Тиханович вызывал хозяина слесарно-механической мастер. Фаслера, Ф. Х. и управляющего Ф. Ф. Неске для разговоров о майских листках. Приблизительно в то же время вызывали туда же и казаков местной команды, у которых нашли листки. И в том и в другом случае ничего не добились.

Сибирь. С проведением жел. дор. в Сибири и с возникновением соц.-дем. комитетов рабочее движение здесь растет и растет и из стихийного начинает уже превращаться в более организованное, сознательное. Особенно знаменательным временем в истории сибирского рабочего движения нужно признать осенние месяцы нынешнего года. Так, в конце сентября в г. Красноярске забастовали рабочие ж.-д. мастерских вследствие того, что им во-время не выдали расчета (см. об этом № 27 «Искры»). 9 октября в г. Иркутске произошла подобная же история. Там тоже в назначенный срок не выдали расчета рабочим ж.-д. депо. Эти рабочие поступили так же, как их товарищи-красноярцы: бросили работу и толпой — чел. в 200 — пошли по разным ж.-д. «службам» в поисках причин невыдачи им расчета. Не добившись никаких результатов, они в этом же количестве направились к губернатору, который, видимо, тоже по примеру своего красноярского товарища, перетрусил и сейчас же телефонировал начальнику депо, чтобы расчет был произведен. Требование было выполнено. (Форма протеста, — пишет по этому поводу другой корреспондент, — совершенная копия красноярской. Очень возможно, что листки Иркутского Комитета, оповещавшие о происшедшем в Красноярске и незадолго до этого распространенные, возымели в данном случае действие). По поводу красноярской и иркутской забастовок как местными Комитетами, так и Томским были выпущены соответственные прокламации (прокламация Иркутского Комитета, как сообщает нам третий корреспондент, помечена № 10).

9 сентября начальник Сиб. ж. д. отдал приказ за № 192, по которому «низшим агентам, слесарям мастерских и депо и рабочим вообще», не приглашенным с других дорог или вообще из России, а нанятым на месте работ, проездных билетов и нарядов совсем не будет давать. Если же кто-нибудь из этой категории лиц будет приглашен с Сиб. на другую дорогу, то билет и наряды выдает ему та дорога, которая приглашает, а не Сиб., как это делалось раньше. Относительно же тех, которым следует выдать билеты и наряды, как приглашенным Сиб. ж. д., будут наводиться предварительные справки о месте их приписки, постоянного жительства.

Этот приказ не объявлялся сразу, а вводился постепенно. И когда он, благодаря практическому применению, обнаружился во всей своей целостности, рабочие красноярских мастерских не замедлили дать ему дружный отпор. С 1 ноября они устроили стачку и стали требовать отмены нового приказа. Стачка эта была подготовлена, главным образом, Красноярским соц.-дем. Комитетом. Протест свой рабочие, между прочим, выражали и в том, что не пускали на поезда бригады и задерживали станционных сторожей, так что начальнику станции Красноярск пришлось дать телеграмму такого содержания: «В виду бунта рабочих и их воздействия на поездные бригады, я слагаю

с себя ответственность в случае приостановки движения». К несчастию, долгие восемь дней красноярские рабочие не продержались, так как у них истощилась касса. Были и аресты, но о них после.

8 ноября в омских мастерских по поводу того же приказа рабочие тоже забастовали. Они целыми массами (всех их там более 3000 человек) ходили по станции и даже отцепили паровоз у стоявшего на станции почтового поезда, охладили этот паровоз и угнали его в депо; затем выгнали со станции телеграфистов (ходят слухи, что там «действовали» казаки, но точными данными это еще не подтверждено)*. Этим рабочим пришлось недолго бастовать, потому что 11 числа по всей Сиб. ж. д. была дана телеграмма такого содержания: «По распоряжению мин. путей сообщения приказ за № 192 отменяется».

На станции Нижне-Удинск Сиб. ж. д. в депо тоже готовились по поводу этого же приказа стачка рабочих, но, видимо, запоздала.

Эти удачи очень приподняли настроение сиб. раб. и заставили их относиться с особенным доверием и к местным соц.-демократическим комитетам.

Томский Комитет, кроме злободневных прокламаций, выпускал еще бюллетени с выдержками из статей «Искры», «Зари», со своими предисловиями или же собственные статьи.

По поводу изложенных выше фактов другой корреспондент пишет:

«Почва для плодотворной деятельности сиб. соц.-дем. комитетов — создана. Широкая и всесторонняя политическая агитация теперь — более, чем когда-либо прежде — является настоящей необходимостью. Чтобы рабочее движение не застыло на своей первой ступени, надо вдохнуть в него душу живую, — вдохнуть сознание необходимости революционного свержения самодержавия для свободного развития пролетариата. Каждая забастовка, каждый протест, каждая вспышка недовольства должна быть использована в этом смысле. Только в таком случае всякая стачка, всякий протест, всякая вспышка возмущения послужат могучим средством для революционного воспитания рабочей массы».

«В половине октября, — пишет тот же корреспондент, — в стенах красноярской тюрьмы были повешаны четыре человека, убившие двух „пикетчиков“ (ночных караульных). Не мало наших красноярских чиновников усиленно добились „счастья“ присутствовать при совершении казни. И некоторые добились своего. После казни они явились в свои учреждения и с развеселым видом, пересыпая шутками и прибаутками, разглаговольствовали о полученном „сильном ощущении“...».

Ярославль. 1902 г. прошел в Ярославле крайне бурно, аресты продолжались весь год. Тотчас же по объявлении усиленной охраны перед рождеством в городе были расклеены прокламации соц.-рев.; по этому поводу были произведены обыски у студ.-костромичей и арестован студ. Захаров. В январе после разброса листов Ярославского Комитета Р. С.-Д. Р. П. были произведены массовые аресты студентов, при чем рабочий Калинин оказался провокатором. Затем было взято несколько наборщиков и след. лица: служащие в ред. газ. «Сев. Край»: Яшнов, Лаптев, Леонов и Смирнов, студ.: Першацев (плохо держался на допросах), Рабинович и Локтев, раб.: Потехин и Григорий Глазунов, Залман Захарович, который проживал под подложным видом. Великим постом были новые аресты среди рабочих, которых было всего взято около ста человек. В феврале, кроме листов с.-дем. Ком., стали выходить еще прокламации студ. Ком. Одна из них была обращена к офицерам и, говорят, имела среди них большой успех. По студенческому делу в феврале были взяты трое лицеевцев: Кедров, Зезюлинский и Покровский, по доносу инспекции, но скоро выпущены. В апреле были грандиоз-

* Мы тоже слышали, что в Омске было целое сражение войска с рабочими, что убитые и раненые были с обеих сторон и, конечно, в неизмеримо большем числе со стороны рабочих. Подробных сообщений еще не имеем. Ред.

ные обыски и аресты по делу Сев. Раб. Союза и студ. орган. Из арестованных известны следующие лица: Ольга Варенцова, учительница, статистики: Ольга Дидрихиль, Ек. Новицкая, Ал. Локтин, Бор. Трефолов, Гавеман, Трегубов, Леонид Петров, Флеров и Евг. Дюбюк, окончивший лесной институт, Мария Дидрихиль служ. в ред., студ.: Клириков, Завадский, Преснеченко и Алексинский. Летом были арестованы юрьевский студент Крылов и чел. 30 семинаристов; Кедров арестован в конце августа под Москвой. Арестованные северяне в мае перевезены в Москву.

29 августа, во время народного гулянья, рабочие сильно побили заведующего сыскной полицией пристава Петровского и некоторых шпионов и городских. Для усмирения рабочих были вызваны войска (фанагорийцы), но дело обошлось без кровопролития.

Москва. В конце октября вышел приговор арестованному первому мая за разброс прокламаций ж.-дор. машинисту Якову Иноземцеву — 7 мес. тюрьмы. В конце сентября арестованы ученики земледельческого училища: Медведков, Никифоров, Баранов и Яблоновский и раб. Прохор, ман. Кречетов. Летом отравился волостной старшина Мелитопольской волости Московского уезда потому, что был замешан в политические дела, а волостной писарь и его помощник успели скрыться до прибытия жандармов. В Таганскую тюрьму привезен техник Романовский, присужденный к 1 г. 8 м. тюрьмы, как уголовный, за Мариупольскую стачку на зав. «Провиданс».

Вологда. Массовые обыски и аресты, производившиеся в этом году по всей России, не миновали и нашей мирной Вологды. Все лето в ней то-и-дело шли обыски и аресты. Весной была арестована по кустромскому делу жена ссыльного Анна Третьякова и ссыльный Щеголев, бывш. петерб. студ. Последний был взят по полтавскому делу и без всяких допросов продержан три месяца в вологодской тюрьме, а затем освобожден. Летом были арестованы и увезены в Москву: адвокаты Жданов и Шен и служ. в стат. Брановицкая. Затем были обыски у ссыльных Ник. Малинина (из Саратова) и Саммера (из Спб.); против последнего возбуждено дело, так как у него нашли литературу. Кроме того, были привлечены, как обвиняемые, ссыльный Поморцев, техник из Кунгура и бывш. студ. из Нов. Александрии Шемякин. Поводом к этому послужило то обстоятельство, что при перестройке на одной из вологодских улиц мостков плотники нашли под последними нелегальную литературу и письма, из которых выяснилось, что к этой находке имели отношения Поморцев и Шемякин. Затем местная жандармерия возбудила еще дело, довольно комичного характера, против стат. Зюкова, основанием для чего послужил донос. В октябре был обыск у ссыльного Савенкова (из Спб.). Вообще за последнее время усилен надзор за ссыльными, у ворот многих квартир по вечерам торчат шпионы.

Крым. Ялта. В одной из местных аптек Левентон-Гофшнейдер служащими этой аптеки была устроена небольшая стачка. За несколько дней до 1 сентября фармацевты потребовали для улучшения пищи выдачи кормовых денег. Через две недели требование было удовлетворено.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРЕНИЕ

СТАЧКА ФРАНЦУЗСКИХ УГЛЕКОПОВ.

Еще в прошлом году французские угольщики пытались начать всеобщую стачку. Но в то время г. Мильтеран был еще министром, а его друзья, оппортунисты партии Жорреса, только-что начали закреплять свою дружбу с буржуазными партиями, и в их расчеты такая стачка не вхо-

дила. В ход пущено было все возможное, чтобы не дать разгореться стачке. Хотя большинство угольщиков высказалось за немедленное объявление стачки, хотя национальный комитет уже назначил срок общего прекращения работы, — стачка не состоялась. Северные синдикаты, находящиеся под влиянием депутата Бали, — бывшего некогда рудокопом и ставшего называть себя социалистом с тех пор, как социалисты типа Жорреса стали вульгарными радикалами, — заявили, что не оставят работы; политиканствующие оппортунисты грозили призраком разгрома, неудачи, несочувствия общества, сулили широкие реформы, добытые законодательным путем.

И в самом деле, палата депутатов вскоре приступила к разбору двух существенных требований рудокопов: сокращения рабочего дня и пенсии престарелым угольщикам. Назначены были даже комиссии, и «дело» угольщиков из-под зеленого сукна Палаты перешло под зеленое сукно комиссий. Угольщикам от этого легче не становилось, а в это время компании обогащались. Акции повышались, дивиденды росли.

Чистая прибыль акционерных обществ, владеющих угольными копями, поднялась с 26 милл. фр. в 1897 г. до 35,5 милл. фр. в 1898 г., 55 милл. фр. в 1899 г., 97 милл. фр. в 1900 г. и, наконец, до 110 милл. фр. в 1901 г. Такой колоссальный рост прибыли происходил не на счет увеличения количества добываемого угля, а на счет повышения цены его. Одна тонна угля стоила в 1897 году 10,84 фр., в 1898 г. 11,22 фр., в 1899 г. 12,41 фр., в 1900 г. 14,95 фр., в 1901 г. 15,1 фр. Каждый занятый рабочий добывал компаний угля: в 1807 г. на 184 фр., в 1898 г. на 238 фр., в 1899 г. на 370 фр., в 1900 г. на 600 фр., в 1901 г. на 635 фр. Таким образом, производительность каждого рабочего возросла за 4 года на 450 фр., а жалованье не возрастало, если даже в некоторых местах не уменьшалось. От 1877 г. до 1901 средняя заработная плата угольщика поднялась всего с 6,20 фр. до 6,35, т.-е. на 15 сант.

Понятно, что такое положение вещей не могло не вызывать ропота среди угольщиков. Правда, частичными стачками или мирными переговорами с отдельными компаниями, владельцами рудников кое-где удавалось добиться повышения заработной платы, но повышение это держалось недолго. В наиболее благоприятном положении находились северные синдикаты, которым удалось добиться повышения заработной платы на 40% выше средней нормы. В апреле текущего года, однако, истек срок контракту, в силу которого компании обязались повысить заработную плату. Компании воспользовались этим истечением срока, чтобы понизить ее на 10%. Теперь запротестовали и северные синдикаты и решили присоединиться к общему течению.

Стачка становилась неминуемой, и волей-неволей Жорресу, Бали и К^о пришлось склониться перед единодушно выраженным желанием масс. Они склонились, но не помирились с характером движения. Последовательные оппортунисты, они сделали все возможное, чтобы — хотя бы ценою неудачи движения — лишить его политической окраски. А таковую, как мы уже видели, стачка неизбежна носила. Помимо двух уже вышеуказанных требований (государственные пенсии и законом установленный рабочий день), выставлено было еще одно — третье требование: законом установленный минимум заработной платы.

Заметив, что единодушно начатая стачка (в один день забастовало до 160 тыс. угольщиков) грозит принять характер широкого социально-политического движения, Бали и находящиеся под его влиянием северные синдикаты заявили, что они намерены настаивать исключительно на третьем требовании и, как только оно будет удовлетворено, примутся за работу, хотя бы другие районы и продолжали еще бастовать. Такое заявление и последовавшее вслед за ним поведение северных синдикатов с самого начала уже подкашивало цельность и успешность движения. Следует заметить, что именно третье требование, сведенное, в конце концов, к простому требованию повышения заработной платы, помимо того, что оно носит чисто экономический характер, менее всего способно объединить угольщиков разных районов, так как уровень заработной платы различен. Есть районы, где рабочие им довольны, в других он слиш-

ком низок. Между тем, первые два требования и третье требование в первоначальном его виде (минимум заработной платы) одинаково заинтересовывают углекопов всех районов.

Мало того. В то время как национальный комитет всех синдикатов начал в интересах цельности движения переговоры с центральным для всей Франции бюро акционерных компаний, владеющих угольными копями, северные синдикаты и синдикаты района Кармо, находящиеся под влиянием Жореса, начали вести переговоры отдельно со своими компаниями. Таким образом, движение мало-помалу теряло характер солидарности и цельности. Компаниям оставалось только торжествовать, присутствуя при этом зрелище разногласия и раз'единенности в среде стачечников. Стачка начата была в такой момент, когда угольный рынок был переполнен заказами, когда компании должны были рано или поздно уступить требованиям рабочих. Только недостаточно развитое классовое сознание в среде углекопов и использовавшее это обстоятельство политиканство оппортунистов могли погубить так хорошо начатое движение.

Что мог сделать национальный комитет при таких обстоятельствах? Тщетно призывал он к порядку, напоминал о дисциплине бунтующим синдикатам, тщетно угрожал исключением из федерации, — уже в самых рядах его начинались разногласия. За северным и кармским синдикатами вскоре последовали и другие синдикаты. Борьба велась в одиночку. Делегаты углекопов вели переговоры с делегатами компаний. На севере делегат углекопов изменил своим поручителям и признал вместе с хозяевами требования рабочих неосновательными. Север заволновался, запротестовал; цинично обманутый, он обратился уже за помощью к другим организациям, но стачечники, измученные голодом, изнуренные, разочарованные, начали мало-помалу приниматься за работу. В Луаре, где делегатом углекопов был жоресист Аристид Бриан⁸, выбранный обеими сторонами третейский судья (председатель кассационного суда) высказался за незначительное повышение заработной платы. В Кармо переговоры ведутся еще до сих пор; там делегатом рабочих является Ренэ Вивьяни⁹, бывший секретарь Мильерана.

Всеобщая стачка закончилась неудачей. Тщетно проливая республиканская «демократия» крокодиловы слезы над горькой участью черных тружеников, тщетно обещала она стачечникам победу и реформы, если они не выйдут только за пределы экономических организаций и экономических требований... В то время как Жорес с компанией убеждали стачечников относиться с доверием к этой республиканской «демократии», последняя показала буржуазии, что она умеет поддерживать «порядок» обычными «мерами насилия». В Терр-Нуаре жандарм застрелил стачечника, и это глупое, бессмысленное убийство чуть-было не расстроило всей с таким трудом созданной фикции правительственного попечения о рабочем классе. Горькой иронией звучали после этого убийства слова мин. Комба¹⁰ о священной свободе стачек... Дружно проваливает республиканская демократия в палате резолюцию революционных социалистов. Она гласила: «Палата депутатов осуждает вооруженное вмешательство, которое, под предлогом защиты свободы труда, всецело направлено против стачки и стачечников; палата приглашает правительство немедленно удалить все военные силы и полицию из областей, где углекопы прекратили работу, и решает немедленно заняться рассмотрением и решением вопросов, выдвинутых требованиями стачечников». Вместо этой резолюции «демократическое» большинство палаты приняло другую резолюцию, подписанную представителями всех буржуазно-республиканских групп палаты, в том числе и Жоресом: «Принимая во внимание заявление председателя совета министров, — гласит резолюция, — что он поторопит в обеих палатах обсуждение и голосование реформ в пользу рабочих-углекопов, палата депутатов вполне полагается на твердость и благоразумие правительства для одинаковой охраны — как свободы труда, так и свободы стачек». Жандарм-убийца может быть спокоен: убив стачечника, он только охранял ту священную свободу труда, о которой так пекутся Жорес и Комб.

ИЗ ПАРТИИ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ КОНГРЕСС 1903 г. в АМСТЕРДАМЕ.

Обращаем внимание товарищей на нижеследующий циркуляр международного секретариата. Всем комитетам, группам и организациям Росс. С.-Д. Раб. Партии следует немедленно и энергично приняться за подготовку докладов о ходе и успехах движения с 1900 по 1903 год. В виду наших русских условий желательно бы возможно аккуратнее (и хотя бы по частям) переправлять эти доклады за границу. Надо также заблаговременно подумать о серьезном представительстве на конгрессе. Что касается до вопросов, поднимаемых западно-европейскими социалистическими партиями и группами, то они могли бы послужить темами для очень полезных собеседований в рабочих кружках и собраниях.

Международное Социалистическое Бюро.

Секретариат: Maison du Peuple. Брюссель, 30/XI 1902 г. (Народный дом) Брюссель.

Международный социалистический конгресс в Амстердаме.

Международный Социалистический Секретариат, заседающий в Брюсселе, получил нижеследующие предложения для включения их в порядок дня Международного Социалистического Конгресса, который соберется в Амстердаме в будущем году, 16 августа (нового стиля):

От «Федеративной Унии Центра» (Франция): 1) всеобщая стачка; 2) уничтожение постоянных армий; 3) расширение международного секретариата в соответствии с современным положением; 4) ограничение рабочего дня девятью часами в странах, где это ограничение не существует.

От «Социалистической Партии Франции» (Социалистско-революционная уния); 5) международные правила социалистической политики.

«Социалистическая Партия Аргентинской Республики» ставит на рассмотрение Конгресса вопрос: 6) национальное и международное законодательство об эмиграции и иммиграции.

«Национальный Союз женщин-социалисток в Австрии» предлагает, чтобы: 7) избирательное право женщин — фигурировал в порядке дня Конгресса.

«Фабрианское Общество» (Англия) предлагает вниманию Конгресса след. вопросы: 8) обязательные третейские суды; 9) законодательный минимум заработной платы; 10) тред-юнионизм и политика; 11) муниципальная торговля спиртными напитками.

«Независимая Рабочая Партия» (Англия) ставит в порядок дня вопрос: 12) социализм и муниципальная деятельность.

Чешские социалисты Австрии предлагают включить в порядок дня следующий пункт: 13) поведение международного пролетариата в национальном вопросе.

«Голландская Социалистическая Партия» предлагает внести вопрос: 14) пенсия старикам и инвалидам труда.

«Французская Социалистическая Партия» (Федерация Жиронды) просит обсудить следующий предмет: 15) желательно, чтобы корреспонденты иностранных социалистических журналов избирались из среды активных членов конституированных социалистско-революционных организаций или были ими аккредитованы и во всяком случае поставлены под их контроль.

Мы просим все социалистические организации рассмотреть возможно скорее эти многочисленные и важные вопросы и доставить нам заблаговременно доклады по ним.

Мы приглашаем равным образом социалистические партии всех стран прислать нам до 1 мая следующего года доклад о рабочем и социалистическом движении, об успехах партии данной страны со времени парижского интернационального социалистического конгресса 1900 г. Секретарь Виктор Серви.

ПЕТЕРБУРГСКИЙ РАСКОЛ.

В Петербурге произошел раскол между соц.-демократами, сторонниками «Искры» (Спб. Комитет Росс. С.-Д.Р.П.), и сторонниками старого, более или менее близкого к экономизму направления. Последние привлекли на свою сторону часть рабочих и теперь выступают от имени «Комитета Рабочей Организации». Нам доставлен один листок этого Комитета (октябрьский), но если верить «революционно-социалистической» группе «Свобода» (см. выше ст. «Борьба направлений — пожизненный демагог»), то был еще сентябрьский листок след. содержания:

«Спб. Союз Борьбы за освобождение рабочего класса.

«Комитет Рабочей Организации протестует против всяких постановлений, сделанных без его ведома — в том числе против постановления о признании „Искры“ и „Зари“ руководящими органами, о чем объявлено в прокламации от имени „Спб. Союза Борьбы за освобождение рабочего класса“. „Ко всем российским социал-демократическим организациям“, помеченной июлем месяцем 1902 года. Мы в настоящее время ни один из существующих органов не можем признать выражающим наше направление и желаем переорганизоваться и выработать собственную программу и устав. Спб. Сент. 1902 г.

Комитет Рабочей Организации».

Заметим по поводу этого, что прокламация Спб. Комитета выпущена была Организационной Комиссией его, которая была избрана с самыми широкими полномочиями и в состав которой входили делегаты и от Рабочей Организации. Мы можем заявить самым положительным образом, на основании сообщений одного из членов вышеупомянутой Орган. Комиссии, что в июне месяце на одном из загородных собраний в Петербурге, на котором присутствовали рабочие-представители всех пяти районов рабочей организации (составлявшие высшую инстанцию тогдашней «Раб. Организации») — были поставлены два вопроса: 1) о двух направлениях в русской социал-демократии, о старом (экономическом), которое господствовало до тех пор в Петербурге, и о революционном, как оно представлено «Искрой» и «Зарей»; и 2) о принципах организации, так наз. демократизм или «организация революционеров». По обоим вопросам все рабочие единогласно высказались против «экономизма» и «демократизма» и за направление «Искры». После этого решения тут же были выбраны двое рабочих в Орган. Комиссию, учрежденную для проведения в жизнь вышеуказанных принципов. Прокламация Комитета о солидарности с «Искрой» и была заявлением о приступе к работе на этих началах. Новый «Комитет Раб. Организации» имеет право быть недовольным чем угодно и становиться на чью угодно сторону, но «протестовать» против прокламации Спб. Комитета он совершенно не в праве.

Полученный нами листок следующего содержания:

«Союз Борьбы за освобождение рабочего класса. Освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих. (Устав Интернационала). Признавая, что самым важным условием развития рабочего движения и успеха нашей борьбы является самостоятельность рабочего класса, мы находим, что отныне «Рабочая Организация» во главе со своим Комитетом должна иметь руководящее значение в деятельности Союза Борьбы, — и с настоящего момента мы всеми силами будем стремиться провести в жизнь этот наш взгляд. Отлагая подробное изложение нашей программы до выхода следующего номера газеты, мы пока ограничимся следующим: по основным своим убеждениям и целям мы — соц.-демократы: мы стремимся подготовить рабочий класс к социальной революции. Ближайшей целью мы считаем завоевание политической свободы — с тем, чтобы рабочий класс воспользовался всеми правами, плодами своей победы, и добился возможно больших прав в будущей конституционной России. Мы требуем всеобщего, равного, прямого, тайного избирательного права и стремимся теперь же пробудить в рабочем классе ясное сознание тех его прав, которые должны быть осуществлены законодательным путем непосредственно за введением конституции. Всех, кто считает правильной такой постановку дела, мы просим оказать нам посильное содействие и помощь, особенно ценные теперь, когда приходится испра-

влять недостатки прошлого. Всякие заявления, рукописи, книги, деньги и пр. просим направлять непосредственно для Рабочей Организации и требовать отчета за подписью ее Комитета. Спб. Октябрь. 1902 г.

Комитет Рабочей Организации».

Какое негодование вызвал этот последний листок среди работающих не вдали от Петербурга и близко интересующихся петербургскими делами социал-демократов, — видно из следующего, полученного нами, заявления, писанного, очевидно, в пылу возмущения, под свежим впечатлением события.

«„Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия“.

«На съезде 1898 г. было положено основание Росс. С.-Д. Р. П., но, к сожалению, ее дальнейший рост и развитие были задержаны целым рядом неблагоприятных обстоятельств, и только в последнее время, после нескольких лет разброда и шатаний, после нескольких лет господства экономизма и революционного кустарничества в русской социал-демократии, снова поставлен вопрос о создании единой общероссийской партийной организации. Железная логика жизни привела русских социал-демократов к сознанию ее необходимости и полнейшей непригодности прежней тактики и прежних методов организации. События последних лет ясно показали всю неподготовленность нашей партии к ее исторической миссии — быть руководителем народа в его борьбе с царизмом, — она была захвачена врасплох бурным движением 1901 и 1902 гг. и оказалась не в состоянии использовать его в надлежащих размерах. Русский пролетариат в лице своих передовых слоев дал блестящее доказательство тому, что он вырос из узких рамок борьбы за мелкие требования, „сулящие осязательные результаты“, что она не может удовлетворить проснувшихся в нем запросов, что ему нужно более широкое поле деятельности. Результатом этого явился решительный поворот русской социал-демократии. Голоса экономистов, почти безраздельно господствовавших в 1898 — 1900 гг., начинают стихать; теория стадий сдается в архив; на первый план выдвигается вопрос организации соц.-демократической партии, не партии „экономической борьбы с фабрикантами и правительством“, а партии широкой политической борьбы. (Не последнее место занимает здесь деятельность организации „Искры“, не мало содействующей делу объединения различных революционных сил и подготавливающей для него почву своей энергичной всероссийской агитацией). И в этот момент, когда русская социал-демократия стоит накануне окончательного создания и укрепления партийной организации, когда на обязанности каждой соц.-дем. группы лежит посильное содействие делу объединения, Комитет Рабочей Организации выступает от имени Петербургского Союза Борьбы с программным заявлением, носящим совершенно противоположный характер. Авторы этого заявления ни словом не упоминают о своей принадлежности к партии, хотя Петербургский Союз, от имени которого они выступают, как известно, был одним из основателей ее и принял название Местного Комитета. В настоящее время, когда самой жизнью поставлен вопрос о завершении начинаний съезда 1898 г., когда начинают оживать и поднимать голову несоциал-демократич. революционные организации, когда все в обществе находится в состоянии брожения, — в высшей степени важно и необходимо сплочение всех русских соц.-демократических групп вокруг девиза Росс. С.-Дем. Раб. Парт., в настоящее время уже нельзя ограничиваться общим заявлением, что «по основным убеждениям и целям мы — социал-демократы», как это делает Комитет Рабочей Организации; теперь русский соц.-демократ обязан резко и определенно заявить о своей принадлежности к партии, и, умалчивая об этом, ограничиваясь в своем заявлении заголовком „Союз Борьбы за освобождение рабочего класса“, Комитет Рабочей Организации тем самым, может быть и невольно, отказывается от нее, подчеркивает, что не принадлежит к ней. В то время, когда перед русской соц.-демократией стоит задача создания политической партии, которая взяла бы на себя гегемонию в борьбе с самодержавием и высшее руководство борьбой пролетариата против „всех форм национального и политического угнетения“, в это время Ком. Раб. Орг.

признает, „что самым важным условием развития рабочего движения и успеха нашей борьбы является самостоятельность рабочего класса“, и находит, что Рабочая Организация во главе со своим Комитетом должна иметь руководящее значение в деятельности Союза Борьбы. Очевидно, авторы заявления ничего не забыли и ничему не научились; для них совершенно бесследно прошел тяжелый период всеобщего разброда и шатаний, период сужения революционного размаха партийной деятельности и борьбы революционных элементов партии с оппортунизмом; для них, как и для печальной памяти авторов „Gredo“, социал-демократия не революционная политическая партия, а трэд-юнионистское бюро, обслуживающее исключительно нужды рабочего движения.

«Высший принцип — „самостоятельность“! Высшее учреждение — „Рабочая Организация“! И это в момент обострения революционной борьбы, когда рабочие массы рвутся в бой за свободу, когда по всей России то-и-дело раздаются раскаты грома народного негодования и до боли ощущается отсутствие и необходимость крепкой революционной организации, которая могла бы явиться руководителем этого всенародного движения! Комитет Раб. Орган. забывает, что задачи нашей Партии по существу революционны и, следовательно, во главе ее должна стоять не Раб. Орган, а организация революционеров; что именно на обязанности соц.-демократии — поднять рабочее движение с узкого русла трэд-юнионистской политики и направить на широкий путь социал-демократической борьбы против всего существующего строя.

«Выдвигаю, как руководящий принцип, „самостоятельность рабочего класса“, отождествляя Раб. Орган. с организацией революционеров, — он воскрешает традиции самого грубого экономизма и в высшей степени вредное деление соц.-демократов на рабочих и интеллигентов. Ограничивая в настоящее время свое воздействие на пролетариат пробуждением в „рабочем классе ясного сознания тех его прав, которые должны быть осуществлены непосредственно за введением конституции“, и умалчивая о тех „правах“, которые не могут быть осуществлены в ближайшем будущем, авторы заявления тем самым выдвигают пресловутую теорию стадий „серой повседневной борьбы за требования, сулящие осязательные результаты“, и ясно показывают, что совершенно все называют себя соц.-демократами. И они еще находят возможным говорить об исправлении „недостатков прошлого“. Какие недостатки хотят они исправлять? Уж не отказ ли русской соц.-демократии от программы „Gredo“ считают они подлежащим исправлению недостатком?

«Не возврат к изжитым, самой жизнью отвергнутым методам тактики и организации, не преклонение перед стихийным движением полусознательных масс, а создание крепкой революционной организации и пробуждение в рабочем классе всестороннего классового сознания, т. е. приобщение его к международному социалистическому движению, — такова задача русской соц.-демократии, и всякие попытки совлечь ее с этого широкого пути на узкую тропинку трэд-юнионизма и борьбы „за требования, сулящие осязательные результаты“, являются вредными и потому подлежащими самому строгому осуждению.

«На основании этого, принимая во внимание: 1) что, умалчивая о своей принадлежности к партии, Ком. Раб. Орган. тем самым отказывается от нее, и что такое отношение к ней является совершенно недопустимым для людей, называющих себя соц.-демократами; 2) что в виду этого Ком. Раб. Орган. не имел права выступить от имени Петербургского Союза Борьбы, который до сих пор принадлежит к партии и не объявлял о своем уходе из нее; 3) что К. Р. О. является выразителем самого грубого и узкого экономизма, признающего соц.-дем. до трэд-юнионизма; 4) что такое толкование задач соц.-демократии является крайне вредным и недопустимым с точки зрения революционного марксизма и совершенно противным принципам Манифеста Росс. С.-Д. Р. П.; 5) что выступление Ком. Раб. Орган. с таким толкованием этих задач, заключая в себе семена нового разлада и разединения, особенно вредно в настоящее время, когда самой настоятельной потребностью русской соц.-демократии является создание общероссийской революционной организации, — мы считаем своим долгом выразить наш протест и самое решительное осуждение тактики и принци-

пиальных и организационных взглядов Ком. Раб. Орг., поскольку они выразились в его программном заявлении.

«Да здравствует революционная международная соц.-демократия!

«Да здравствует революционная Росс. С.-Д. Р. П.!

«Представители Комитета Латышской С.-Д. Организации в Прибалтийском крае и Русская С.-Д. группа».

Нам прислано следующее заявление:

«Нижегородский Комитет, заявляя о своей солидарности с «Искрой» по вопросам программы, тактики и организации, признает ее своим руководящим органом и желал бы видеть ее общепартийным органом».

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦИОННОЙ БОРЬБЫ

Таганрог. Вечером 11 сентября в г. Таганроге на вокзале, по приезде харьковского поезда, был арестован К. М. Сопетов. В ту же ночь были обыски (приблизительно 12) и арестовано еще два рабочих. В станции Каменской около середины октября по телеграмме из Питера был произведен обыск у г-жи Кунделековой. При обыске, кажется, найден только один дневник. Прокурором предложено ей было 48—49 вопросов. На границе в Александрове арестован студент Кириченко (ехавший из Берлина).

Б е ж а л и за последние два месяца из Вятской губ.:

1) Петерб. студ. Горбачев (из Котельнича), 2) петерб. лесник Рерих, 3) дантист Кержнер из Глазова, 4) моск. студ. Величкин из с. Слудского, Орл. уезда. В Спб. арест. инженер Сокольский, Шапошникова, бестужевка Левицкая, рабочие Петров и Гроздинский.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

Л а в р у ш к а. Получаем, пишите.

Из Цюриха: 1) за литературу 39 фр. 90 с., через М-ую из Л.: от Маруси «Искре», созидающей Р.С.-Д.Р.П., 20 м., с реферата 12 мар., для беж. из Киев. тюр. 7 м., для Сибир. кассы 3 м. 50 пф.; 2) от Б-го кружка через С. 10 р.; 3) из Лион. кол. для Крас. Креста 25 фр. 80 с.; 4) от Фанни 62 фр.; 5) из Л. через М-ую 100 мар.; 6) собрано цюрихск. групп. в пользу семей убитых и раненых в Ростове 78 фр. 66 с.; 7) из Берна от Х. Р. в пользу семей убитых и раненых в Ростове 15 фр.; 8) из Мюнхена 300 мар.; 9) от одес. тов. в Нью-Йорке для одес. арест. и ссыльн. 70 р.; с «реферата Мая» 42 фр. Из Берна: за литературу 87 фр. 75 с. и от А. В. С. 12 фр. 30 снт. Из Льежа: от группы уральск. соц.-дем. 52 р., от студентов-поляков в Льеже для беж. из Киев. тюр. 20 фр. Из Женева: с реферата Ленина 151 фр. 40 с., от спектакля 148 фр., за литературу 73 фр. 25 с., по подпис. лист. 15 фр. и член. взносы местн. группы 6 фр. Из Парижа: сбор с веч., по подпис. лист. и за литерат. 615 фр.; из Южн. Африки от С. И. К. 15 фр. За лит. из Лондона 10 ш. 8 п. В № 27 «Искры» пропущ. 25 долл. за лит. из Н.-Йорка. Чер. Г. С. Д. 420 м. 84 пф. из них для бежавших 37 м., для ростовщ. 92,30 м. От Харьков. Ком. 125 р. С пред. приятия 100 р. От сибиряка В. 15 р. В Берлине гр. «Искры» собрано в пользу ростовцев и отправлено в Донск. Ком. 28 м.

Вышла вторым изданием брошюра Н. Ленина «Задачи русских социал-демократов» с предисловиями П. Б. Аксельрода (к первому изданию) и автора (ко второму изданию).

Печатается брошюра К. Каутского: «Социальная революция» (I. Социальная революция и социальная реформа. II. На другой день после социальной революции). Перевод с немецкого.

В немецком социал-демократическом журнале «Die Neue Zeit» напечатана в двух номерах (№№ 11 и 12) статья В. И. Засулич: «Террористическое течение в России». Мы надеемся познакомить с этой статьей и русских читателей.

Со всеми требованиями на нашу литературу просим обращаться из-за границы по адресу: Herrn Axelrod, Zürich, Vogelsangstrasse, 9.

Типография «Искры».

П Р И М Е Ч А Н И Я.

Прим. 1. Моисеенко, П. А. (1851 — 1923) — текстильщик, старый борец за рабочее дело. 13-ти лет попал на фабрику. 20-ти лет, работая на фабрике Зимина в Орехове - Зуеве, познакомился впервые с народнической литературой. В 1873 г. попал в Петербург, где стал членом кружка Нарвского района и познакомился с видными народниками. После стачки на Новой Бумагопрядильне в 1878 г. был арестован и выслан, но скоро вернулся в Питер и начал вести революционную пропаганду в рабочих кружках за Нарвской заставой, под руководством С. Халтурина. В 1879 г. снова был арестован и сослан в Енисейскую губ. В 1884 г., вернувшись из ссылки, он поступил на фабрику Морозова в Орехове - Зуеве, где был вместе с Волковым руководителем знаменитой стачки 1885 г., после чего снова очутился в ссылке. В 1893 — 1894 гг. работает в Ростове н/Д., участвует в стачке в мастерских Владикавказской жел. дор. и снова попадает в ссылку, после которой ведет революционную работу в качестве соц.-демократа в Мариуполе, Юзовке, Баку и т. д. После Февральской революции был послан на персидский фронт для проведения выборов военных комитетов. После Октябрьской революции работал в Красной армии потом в Отделе Народного Образования в Пятигорске. С 1922 г. до самой смерти работал в Истпарте.

Прим. 2. См. прим. 1-е к № 15 «Искры».

Прим. 3. См. прим. 7-е к № 21 «Искры».

Прим. 4. См. прим. 1-е к № 23 «Искры».

Прим. 5. См. прим. 2-е к № 24 «Искры».

Прим. 6. См. прим. 4-е к № 26 «Искры».

Прим. 7. См. прим. 1-е к № 16 «Искры».

Прим. 8. Бриз, Аристид (род. в 1862 г.) — бывший социалист, проводивший идею всеобщей стачки; позже, во время споров об участии социалистов в буржуазном правительстве, защищал это участие. Вскоре покинул ряды социалистов и в 1906 г. занял пост министра просвещения, который занимал и в 1908 и 1909 гг. Впоследствии неоднократно был премьером, проводившим империалистическую политику французского финансового капитала. Злейший враг Советской России, стремящийся в настоящее время (1926 г.) вместе с Чемберленом создать союз буржуазных государств против СССР.

Прим. 9. Вивиани, Ренэ — в 1906 — 1910 гг. министр труда. В начале мировой войны был премьер-министром и дважды посетил Россию по делам французского империализма. В апреле 1917 г. входил в состав делегации, посетившей Вашингтон и подписавшей договор о вхождении Соединенных Штатов в мировую войну. После войны принимает деятельное участие в Лиге Наций. См. также прим. 7-е к № 21 «Искры».

Прим. 10. Комб, Эмиль — французский государственный деятель, радикал-социалист. В начале 900-х годов вел деятельную борьбу с клерикализмом. В 1903 г. был премьер-министром и на этом посту продолжал борьбу с клерикализмом. Но на-ряду с этим его правительство вело деятельную борьбу с рабочим движением. Впоследствии К. состоял во главе фракции рад.-соц. во французском сенате, проводил в жизнь политику этой партии, идущей, несмотря на свои радикальные заявления, на поводу крупной буржуазии.

И С П Р А В Л Е Н И Я.

В № 15 «Искры» под статьей «Борьба с крамолой и „усердное попечение“ о рабочих» должна быть подпись: (К. Попов).